

На правах рукописи

Барбина Наталья Сергеевна

**АРГУМЕНТАЦИЯ КРИТИКИ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ
(ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Челябинск – 2020

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Байкальский государственный университет» на кафедре иностранных языков.

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Костюшкина Галина Максимовна

Официальные оппоненты: **Григорьева Валентина Сергеевна,**
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный технический
университет», профессор кафедры «Иностранные
языки и профессиональная коммуникация»

Ионова Светлана Валентиновна,
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
ВО «Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина», профессор кафедры общего и
русского языкознания

Фанян Нелли Юрьевна,
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
ВО «Кубанский государственный университет»,
профессор кафедры французской филологии

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Калужский государственный
университет имени К.Э. Циолковского»

Защита состоится 24 декабря 2020 г. в 10.00 часов на заседании объединенного диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 999.233.02, созданного на базе ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный государственный университет)» по адресу: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»,
https://www.csu.ru/Shared%20Documents/Dissertatsiya_Barebina_.pdf

Автореферат разослан « » 2020 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

О.Н. Ковалева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В научной коммуникации, в частности в сфере лингвистики, все отчетливее обнаруживаются процессы дисгармонии, связанные как с самой наукой о языке, так и с доминирующими трендами научной деятельности. При этом научное познание продолжает оставаться социально значимой сферой, вписанной в строгую систему норм и оценок. Реферируемая диссертационная работа посвящена исследованию места и роли критики в науке о языке с позиций аргументологии и эколлингвистики.

Актуальность работы определяется несколькими факторами. Во-первых, современный контекст лингвистической науки формирует необходимость в пересмотре рационального скептицизма в науке как с точки зрения входного фильтра для нового знания, так и с точки зрения механизма верификации наличного знания. Это связано со спецификой наук языковедческого цикла, развитие знания в которых обусловлено не только получением нового результата, формируемого в ходе последовательных открытий, но и поддержанием культурных традиций, сохранением наследия, обновлением соответствующих ресурсов. Во-вторых, при всей распространенности явления критики в общественной жизни исследование критицизма как способа мышления и социокультурного феномена не получает систематического и всестороннего рассмотрения. Неполнота и избирательность научной картины в этой области с позиций аргументологии связана с вниманием к тексту, реализующему обоснование, тогда как исследование практики опровержения почти не выходит за рамки логического анализа. В этой связи лингвистическое освещение аргументации критики актуально в отношении исследования диалектики отрицательной аргументации, а значимость анализа текстов, являющихся результатом аналитической переработки первичных научных текстов, связана с тем, что в них получают языковое выражение ценности и нормы, которые можно выявить по характеру аргументации. В-третьих, предлагаемый в работе новый тип междисциплинарности позволяет на системном уровне исследовать объективно существующий языковой феномен аргументации, что дает возможность непротиворечиво соединить в исследовании как традиционные подходы в виде логического анализа рассуждений, так и новые, еще только осваиваемые наукой о языке направления на стыке языкознания и экологии.

Объектом настоящего исследования является монолог-текст, принадлежащий к жанрам научного стиля «рецензия», «отзыв», «исследовательская статья», содержащий критическую оценку опубликованного первичного текста или текста, представляемого для научной экспертизы.

Предметом исследования выступает специально введенный научный конструкт «контраргументация» как лингвистический инструмент описания правил рассуждения в монолог-тексте и как часть коммуникативной аргументативной ситуации. Единицей анализа выступает Аргументативный Шаг опровержения на монологическом и интерактивном уровне.

Степень разработанности темы. В науковедении выделяются такие функции критики, как селекционно-оценочная, эвристически-прогностическая, корректирующе-развивающая, концептуально-конструктивная, концептуально-негативная, обвинительно-идеологическая [Баранец, 2011]. Обнаруживается

понимание критики как фильтра, барьера, охраны, защиты традиции в той или иной научной парадигме, а также как инструмента власти для осуществления негативных санкций [Аверькова, 2011]. Существует проект теории научной критики, в котором, по мнению Г. В. Хомелева, есть три главных направления осмысления этого феномена: 1) выяснение общефилософской, мировоззренческой, методологической и гносеологической проблематики теории критики; 2) исследование природы научной дискуссии; 3) исследование критики как социального феномена и необходимой составляющей всех общественных процессов [Хомелев, 2004, с. 4–6].

Большое количество работ ученых посвящено обсуждению круга проблем, связанных с научной коммуникацией. Текст в научной коммуникации принято рассматривать как пересечение познавательных и коммуникативных траекторий — это и фрагмент вербализации научного знания, и фрагмент коммуникативного акта [Хомутова, 2014]. Появились идеи о когнитивных моделях в научной практике, где анализируются составляющие распределенной когниции с точки зрения формирования коллективного знания [Giere, 2007]. Имеются работы, в которых утверждается, что научный текст является и объектом экспертной оценки [Беляева, 2014], и основным форматом оповещения сообщества о выявлении девиантного в науке [Чернявская, 2011]. Доказано, что аргументативная схема научного текста придает динамику статичным событиям [Васильев, 2014, с. 54]. Если базовые категории аргументативного типа текстов научного стиля достаточно полно исследованы [Васильев, 2014; Дашкова, 2016; Gross, 2002], то аргументативный анализ критики в таких текстах не получает систематического освещения в литературе. Коммуникативные действия, связанные с опровержением, регулярно становятся предметом исследований [Пучкова, 2006; Андреева, 2008; Рагозина, 2009; Васильев, 2017; Quiroz, 1992; Apothéloz, 1993]. В этих работах изучены лексико-семантические особенности номинации опровержения, доказано, что дискурс опровержения является модификацией аргументативного дискурса, установлено, что логические операции опровержения соотносятся с таковыми в обосновании, сделаны выводы о структурной симметричности аргумента и контраргумента, о ретроспективности контраргумента. Однако особенность большинства работ по теории аргументации заключается в исключительном внимании к концепции аргументации как к процессу обоснований и доказательств. При этом процесс контраргументации в связи с опровержением и критикой также рассматривается с точки зрения методологически утвердительного подхода к аргументации, где критика трактуется лишь как вспомогательное средство для тестирования гипотез и положений. На такую особенность указывает Ф. Х. ван Еемерен в работе [Еемерен, 1992], а данные исследования Дж. Кабрера [Cabrera, 2019] показывают предпосылки для введения в научный обиход аргументологии негативного подхода к аргументации.

Особенность настоящей работы состоит в разработке темы критики в аргументологическом аспекте. Движущей силой научного поиска признается расхождение во взглядах, при котором научные данные тестируются в свете критики с разных точек зрения, выводы исследований модифицируются и принимают оптимальный вид. Критическому оцениванию придается смысл

эпистемологического метода в интеракционном подходе к аргументации [Healey, 1994].

Вопрос оценивания нового и верификации существующего знания также представляет предмет исследовательской рефлексии. Утвердилось мнение о важном значении критики для научной традиции, о том, что имеются социальные и эпистемические аспекты оценки новых научных работ, о том, что рациональный процесс экспертизы нового знания носит субъективно-контекстуальный характер [Лазар, 2010; Баранец, 2011]. Это связано с вопросом негативного оценивания научного результата, который имеет деструктивный потенциал для адресата критики и касается сферы эмоций. Категория эмотивности стала предметом лингвоэкологического анализа с точки зрения экологичности коммуникации [Эмотивная лингвоэкология в коммуникативном пространстве, 2013].

Научная новизна работы состоит в том, что впервые на системном уровне рассматривается понятие критики с фокусом исследования на пересечении аргументорики и эколингвистики. В диссертации анализируются и интерпретируются форматы представления критики в лингвистической науке с точки зрения реализации гомеостатической функции в системной динамике. Явление контраргументации исследуется с позиций диалогических ходов в аргументативной коммуникации и используется в качестве методологического конструкта для анализа критики. Диссертационное сочинение вводит в научный обиход новое понимание ризомной междисциплинарности в виде точек и зон фуркации, которые обнаруживаются на разных уровнях системы. Это позволило глубже разработать методологический аппарат био-социо-когнитивного направления в языке с учетом ориентиров из области логического анализа критики. Обозначена область риторической прагматики для исследования экологичности критики для адресата.

В работе рассматривается проблема приемлемости аргумента; в современных аргументологических исследованиях она изучается в связи с понятиями релевантности, приемлемости, истинности аргумента и находит широкий отклик в исследованиях по неформальной логике. Тот подход, который предложен в диссертации, отличается от других тем, что предпринято исследование адресатной семантики критики с точки зрения того, что является антецедентом для консеквента в критике, другими словами, того, с чем не согласен адресат первичного текста. Это имеет перспективу телеологического характера, которая приобретает значение с учетом социальной значимости области науки и исследования принципа организованного скептицизма.

Практическая значимость диссертации обусловлена представленными выводами о бытовании норм научного этоса (научный этос – свод правил и норм, которыми должен руководствоваться ученый и которые формируют его профессиональное поведение). Эти выводы своевременны для текущего научного публикационного контекста. Полученные результаты могут быть использованы при создании моделей, предполагающих усовершенствование процедур научного рецензирования и оппонирования, в работе по оптимизации системы управления редакционно-издательской деятельностью, в разработке инновационных

наукометрических инструментов. Результаты работы могут применяться при разработке учебных курсов, написании учебных пособий и программ по дисциплине «Научно-исследовательская деятельность».

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в развитие направления эколлингвистики, проходящего стадию концептуального и методологического становления. Отправной точкой является общее представление о когнитивном подходе как об объяснительной теории, связанной с представлением о связи языка и мышления, что допускает реконструкцию когнитивной системы по данным естественного языка. Это дает возможность реконструировать некоторый фрагмент надязыковой когнитивной структуры [Кибрик, 2015]. В аспекте эколлингвистики к научному осмыслению предлагается идея когнитивного взаимодействия индивида с окружающей средой, где не только процессы извне влияют на индивида, но и когнитивные процессы индивида влияют на окружение. Следовательно, проблематизируемый многими вопрос о том, что сфера языка влияет на сферу окружающей среды и что наблюдаемые кризисные экологические явления в какой-то степени могут объясняться и языковыми явлениями, получает дальнейшую разработку. В реферируемой работе этот вопрос рассматривается с точки зрения того, как исследовать влияние явлений из языковой системы на более глобальный контекст. К триаде «язык, социум, экология» добавлена надстройка в виде конкретной социальной реальности, в которой нормы профессиональной этики представляют собой уровень регуляции речевой деятельности. В целом, такая стратегия предотвращает риск разъединения эколлингвистики и других дисциплин, подходов языковедческого цикла, способствует их трансформации.

Исследование связано с направлением логического анализа языка. В частности, рассматриваются некоторые общие для языкознания и логики категории: оппозиции, импликация и бинарность. Уделяется внимание одной из задач исследования взаимоотношения языка и логики в современном прочтении, а именно: «показать, что текст, написанный на естественном языке, “насквозь” пронизан языковыми построениями, которые на уровне логики выступают как умозаключения (как правило, энтимемы)» [Базылев, 2016, с. 99]. Методика анализа естественного языка также не утрачивает своей актуальности в логическом направлении в лингвистике. Важно, что в круг тематики логики и лингвистики по-новому включаются вопросы, связанные с языком и мышлением, новизной которых является более широкое понимание интеллекта.

Выводы исследования показывают перспективность развития лингвоаргументологии с привлечением новых подходов и концепций в науке о языке.

Конкретные результаты, формирующие теоретическую значимость диссертации, определяются следующим. С помощью силлогистической и прагматодialeктической реконструкции 1) выявлены и применены параметры анализа критики в жанрах научного стиля в виде тезиса, аргумента, инференции; описаны проявляющиеся в динамике критики универсальные траектории аргументации (суждения, способы демонстрации, фундаментальные исходные позиции); 2) установлено, что структурные различия аргументации и контраргументации

обуславливают асимметрию Аргументативного Шага и Аргументативного Шага опровержения; 3) сделаны выводы о границах Аргументативного Шага опровержения, который функционирует на уровне абзаца на монологическом уровне и распространяется на первичный текст на интерактивном уровне, это проявляется в виде семантической и логической когерентности Аргументативного Шага опровержения; 4) установлено, что Аргументативный Шаг опровержения имеет вид трехчастной текстовой структуры, где представлена констатация опровергаемого утверждения, его оценка, обоснование оценки; 5) задействован методологический конструкт «когнитивная траектория», который выведен путем теоретических обобщений, а затем подтвержден в ходе анализа эмпирического материала; 6) дополнен понятийно-терминологический аппарат исследований в теории распределенной когниции; 7) представлена синкретическая модель для анализа аргументативной коммуникации в эволютингистическом аспекте на макро- и микроуровне.

Эмпирический материал. Корпус текстов для анализа формировался двумя способами. Был проведен анализ публикаций, представляющих собой жанровую форму исследовательской статьи, а также тексты, которые можно квалифицировать как рецензии и отзывы.

Все материалы извлечены из журналов по предметной области «Языкознание и литературоведение». Методом сплошной выборки были отобраны статьи и рецензии на монографии, книги и учебники из 550 выпусков журналов (в том числе в разделах «Дискуссии», «Критика», «Рецензии») за 2010–2018 гг. Для анализа использовалась база данных eLIBRARY и интернет-ресурс международного лингвистического сообщества The LINGUIST List. Исследовались рецензии на научные работы, относящиеся к следующим областям: дискурсивный анализ, теоретическая лингвистика, социолингвистика, прагматика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, общее языкознание, этнолингвистика, фонология, семантика, синтаксис, нейролингвистика, типология, корпусная лингвистика. Общее количество проанализированных текстов, содержащих критический компонент, составило 3000 единиц. Следующим источником для пополнения корпуса примеров послужили рецензии на диссертации, отзывы официальных оппонентов и ведущих организаций о диссертациях и отзывы об авторефератах диссертаций по специальности 10.02.19 «Теория языка». Этот источник примеров сформирован на основе материалов, находящихся в открытом доступе на сайтах диссертационных советов центральных и периферийных вузов, использовались материалы за 2014–2019 гг. Было проанализировано 1000 образцов текстов такого типа.

Отзывы на научные статьи с целью определения целесообразности опубликования их в научных журналах к анализу не привлекались. Это обусловлено разными видами рецензирования («слепое», двойное «слепое», «открытое»), в которых непонятен статус рецензента и автора. Этот фактор оказывает определенное влияние на процесс научной коммуникации и, возможно, является предметом для обстоятельного исследования. Для настоящего исследования важным было условие того, что все рецензируемые работы должны были проходить публичную фазу научной экспертизы. В связи с этим к анализу не привлекались

такие виды заключений, как анонимные рецензии. При отборе материала, относящегося к жанру исследовательской статьи, также соблюдалось условие публичности, где критика является ответом на уже опубликованные работы. Общее количество проанализированных текстов, содержащих критические замечания, составляет 4000 единиц.

Целью исследования является определение эколингвистического статуса критики в лингвистической науке на материале научных текстов.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть роль лингвистической науки в интеграции научного знания и, в частности, в формировании научной картины теории аргументации;
- 2) рассмотреть лингвистический статус критики на основании данных аргументологии;
- 3) охарактеризовать особенность критики с точки зрения отрицательного подхода к аргументации;
- 4) рассмотреть роль первичного текста в формировании механизма различения нормативного и девиантного;
- 5) рассмотреть феномен междисциплинарности как модель представления знаний в аспекте системных исследований;
- 6) представить основания для анализа аргументации критики как коммуникативного процесса и разработать модель исследования аргументативной коммуникации в эколингвистическом аспекте на макро- и микроуровне;
- 7) рассмотреть роль критики в эколингвистическом ключе с точки зрения системной динамики научной сферы и с точки зрения воздействия на адресата;
- 8) охарактеризовать форматы представления научной критики.

Методологическая база исследования. Концепция системного подхода, положенная в основу данного исследования, обуславливает, с одной стороны, его композиционный характер, с другой стороны, холистический подход. В соответствии с идеей о том, что система «нуждается в моделировании, что позволяет показать ее *внутрипарадигмальные связи и межпарадигмальные связи* по отношению к другим системам, тем самым вписать данную систему в общую систему систем и определить ее внутреннюю и внешнюю значимость» [Костюшкина, 2016, с. 14], принципами, используемыми при рассмотрении исследуемых феноменов, являются синтетизм и аналитизм, методология лингвосинергетики, лингвоаргументологии, теории социального автопоза, теории распределенной когниции. Аргументативный анализ текста проводился с помощью метода силлогистической реконструкции и модели аргументативных функций (подход Л.Г. Васильева [Васильев, 2003; 2014; 2017]). Исследование опирается также на основные логические методы дедукции, индукции (в том числе научной), моделирования, обобщения, классификации и типологизации. Система используемых частнонаучных методов языкознания и теории аргументации включает в себя качественный контент-анализ, прагма-диалектический анализ аргументативного дискурса (включающий последовательные действия экспликации, замены, удаления, реконструкции элементов рассуждения, выраженных различными средствами языка), прагма-семантический анализ языковых единиц, метод

реферирования текстового целого. Комбинация этих методов в исследовании научного текста представляет расширенный (лингвоаргументологический) вариант комплексной методики анализа научного текста [Чернявская, 2016]. Применялись методы и приемы понятийного, коммуникативного моделирования, модель ситуации наблюдения [Верхотурова, 2009б], содержащей возможность для интерпретации выражения перцептивно-когнитивных процессов в языковой форме.

Теоретическую основу диссертационной работы составили:

1) системные исследования аргументации [Брюшинкин, 2000; Костюшкина, 2013а; 2016; Eemeren, 2003];

2) лингвистические концепции дискурса [Каплуненко, 2007; 2013; Карасик, 2010; Кибрик, 2014; Чернявская, 2016] и др.;

3) лингвоаргументология [Баранов, 1990а; Фанян, 2000; Васильев, 2003; 2009; 2014; Anscombe, 1983а; 1983b; Ducrot, 1983], логический анализ языка [Арутюнова, 2009; Малинович, 2009; Базылев, 2019];

4) теория аргументации [Eemeren, 1992, 1996; Walton, 1995; Toulmin, 2003; Snoeck Henkemans, 2014];

5) эколлингвистика [Ионова, 2010; Шаховский, 2013; Steffensen, Fill, 2014; Fill, 2018];

6) био-социо-когнитивный подход к языку [Матурана, 2001; Кравченко, 2008; 2013б; Maturana, 1992; Kravchenko, 2007; Cowley, 2011] и аргументации [Колмогорова, 2009];

7) философия и методология науки [Огурцов, 2008; Чернявская, 2011].

Представим **наиболее значимые положения** теоретической и методологической базы исследования.

Во-первых, для филологической науки на современном этапе характерна «высокая степень эволюционной динамики», где «основным двигателем, задающим темп и ускорение данному процессу, является высшая школа» [Дашинимаева, 2015, с. 78]. В таких условиях важным фактором принятия новаций научным сообществом является экспертная оценка авторского результата. Этот процесс согласования происходит во взаимодействии «эксперт – соискатель», находящем свое воплощение в текстах рецензий и отзывов. Не менее важным фактором, влияющим на функционирование науки, является постоянная верификация имеющегося массива научного знания. Наконец, третьим фактором является научная коммуникация между самими экспертами научного сообщества, где необходимо высказать критику, опровергнуть мнение, указать на несостоятельность иной точки зрения. При этом главной формой оповещения о спорных вопросах являются журнальные публикации.

Во-вторых, в современных лингво-аргументологических исследованиях все чаще высказывается мысль о расширении понятия «аргументативность». В научный обиход входит понятие «аргументативный язык» [Stede, 2019] как область проявления естественно-языковых процессов. Аргументация перестала рассматриваться лишь с точки зрения логики, поскольку любое высказывание в той или иной степени является аргументативным. Это еще больше укрепляет выводы дискурсивных исследований, особенно в части исследования аргументативного

дискурса, который оказывается инкорпорированным в другие типы дискурсов. Аргументативный способ организации дискурса присущ научной сфере в связи со спецификой самой научной деятельности, а именно, требованием логичности в доказательствах и опровержениях.

Научным обоснованием использования био-социо-когнитивного подхода в эколоингвистических исследованиях следует считать то, что экология является частью биологии. Этот факт влечет необходимость задействовать биологический контекст в эколоингвистической перспективе. Эта задача решается посредством использования теоретической и методологической базы био-социо-когнитивного подхода и сопряженных с ним научных подходов и концепций, таких как биология познания, автопоэз, распределенная когниция, социальный автопоэз (автопоэз, также аутопоэзис, аутопойезис, аутопоэз, аутопоэзис (др.-греч. αὐτός ауто- — сам, ποιήσις — сотворение, производство): самопроизводство). В указанном направлении имеется возможность исследовать языковые взаимодействия с точки зрения живых систем и в связи с тем, что социальные системы являются биологическими системами по характеру автопоэза.

Ризомный участок междисциплинарности, который позволяет вывести к научному осмыслению определенные свойства аргументации, можно выразить следующей последовательностью методических установок: аргументация → аргументативная коммуникация → нелинейная модель коммуникации → когнитивный анализ аргументативной коммуникации → когнитивное направление третьего поколения → эколоингвистика → когнитивная экология языка. Логика такой последовательности состоит в том, что каждая из указанных методических установок содержит зону фуркации, позволяющей закладывать и изменять некоторые параметры для рассмотрения объекта анализа.

Исследование аргументативной коммуникации в проекции на экосистемный подход в научной сфере лингвистики позволяет рассмотреть, как выполняется запрос на регуляцию научной деятельности, установив роль критики в ней.

Для структурного анализа контраргументации, которая содержится в критике оппонента, наиболее релевантной оказывается методология прагма-диалектической теории аргументации. Это связано с тем, что в прагма-диалектике аргументативный дискурс трактуется как реальный или подразумеваемый диалог, что важно как для анализа полностью монологических текстов, так и для анализа динамичных диалогов, т.е. этот метод вполне подходит и для материала настоящего исследования, представляющего собой вид отсроченного диалогического взаимодействия.

Аналитически выделяется следующая **гипотеза**: эколоингвистический статус критики детерминирован гомеостатической функцией социальной системы. В науке это проявляется в императиве поддержания стандартов норм научного этоса, что позволяет фиксировать отклонения и девиации как нежелательные явления для социальной системы лингвистической науки. Взаимосвязь социальных систем и пертинентность лингвистического знания дают основание утверждать, что как отсутствие, так и отклонение от рациональности критики в социальной системе

лингвистической науки ведет к негативным последствиям в более глобальном контексте.

Положения, выносимые на защиту:

1. Метаязык лингвистики влияет на метаязык теории аргументации и на научную картину в этой области в целом, что позволяет прогнозировать появление научных направлений в теории аргументации.

2. Методология теории аргументации позволяет рассматривать текст, содержащий критику, как модификацию аргументативного дискурса посредством категории контраргументации. Качество контрарности в контраргументации характеризуется такими понятиями, как противоположность, ретроспективность, экстенсивность. Структурные различия аргумента и контраргумента связаны с логической и семантической когезией Аргументативного Шага опровержения на интерактивном уровне анализа текста-рассуждения, реализующего критику.

3. Особенность отрицательного подхода к аргументации состоит в том, что критика и опровержение трансформируют и сдвигают аргумент относительно сети аргументации, а не элиминируют его полностью.

4. Критика нового научного результата и имеющегося знания происходит при взаимодействии субъекта критики с когнитивным объектом – текстом – по аргументативным траекториям фокуса, нормы, вида действия, уровня, что происходит при частичном совпадении полей аргументации в когнитивных нишах субъектов аргументативного взаимодействия.

5. Междисциплинарная модель представления научного результата в виде ризоморфной сети дает возможность исследовать аргументацию как коммуникативное явление в двух аспектах эколингвистики – на макро- и микроуровне, которые означают манифестацию идей глубинной и поверхностной экологии в эколингвистике.

6. Исследование аргументативной коммуникации на макроуровне означает исследование роли критики в масштабе экосистемы, микроуровень исследования критики означает анализ экологичности аргументативной коммуникации для индивида.

7. Отрицательные интеракции в аргументативном взаимодействии способствуют формированию кода-различия в системе науки. Экологичной критикой является конструктивная критика, в ходе которой достигается консенсус. Деструктивный потенциал негативной оценки в критике в лингвоаргументологической эпистемологии оценивается с точки зрения риторической прагматики. Маркеры деструктивности для адресата критики прослеживаются на лексико-грамматическом уровне в виде логико-категориальных ошибок аргументации, нарушений норм кооперативного принципа ведения дискуссий.

8. Для формата представления критики «экспертиза нового научного продукта» характерно ритуализованное действие консенсуса, слабое опровержение; для формата представления критики «верификация существующего знания» характерна спорадичность.

Степень достоверности полученных результатов определяется тем, что опора на логические параметры в лингвистическом освещении аргументации критики является условием объективности анализа объекта на постаналитическом (постлогическом) уровне. Тексты, содержащие научную критику, представляют собой объективную, наблюдаемую часть научной коммуникации; ее качество в реализации продуктивного сотрудничества возможно оценить с помощью лингвоаргументативного анализа.

Апробация работы. Основные положения и выводы, полученные в ходе исследования, обсуждались на общеуниверситетских конференциях профессорско-преподавательского состава БГУ (2010–2019 гг.), на заседании круглого стола «Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике», г. Москва, Институт языкознания РАН, 8.11.2016 г. Отдельные результаты работы изложены в докладах и сообщениях на всероссийских и международных конференциях, симпозиумах, конгрессах в период с 2010 по 2019 год. Были представлены доклады и сообщения на иностранном языке на следующих научных мероприятиях: 8-я международная конференция по аргументации в университете г. Амстердам, 1–4 июля 2014 г.; международная конференция «Интерактивность, язык и когниция», университет г. Ювяскюля, Финляндия, 11–12 сентября 2014 г.; симпозиум по эколингвистике, г. Гуанчжоу, Южно-Китайский сельскохозяйственный университет (SCAU), 25–27 ноября 2016 г.; 9-я международная конференция по аргументации в университете г. Амстердам, 2–6 июля 2018 г.

По теме исследования опубликовано 54 работы (74,05 п.л.), в том числе 20 статей, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК, из них две статьи в научных журналах, индексируемых в международной базе цитирования Scopus. Изданы монография, два раздела в коллективных монографиях в трех изданиях. Разработан и внедрен авторский курс по теории аргументации для обучающихся по специальности «Лингвистика», «Перевод и переводоведение», включающий рабочую программу, учебное пособие и практикум (9,9 п.л.).

Диссертация состоит из введения, трех частей, включающих шесть глав, заключения, списка использованной литературы, содержащего 472 наименования, в том числе 172 на иностранных языках, списка использованных словарей, двух приложений. Общий объем работы составляет 440 страниц печатного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, ее новизна, актуальность, теоретическая и практическая значимость, а также представлены цель и задачи исследования, его объект и предмет, выдвигается гипотеза. Введение содержит положения, выносимые на защиту, сведения о теоретических и методологических основаниях работы, описание материала и структуры диссертационного сочинения.

В **первой части**, которая состоит из двух глав, рассматриваются **теоретические предпосылки** исследования. В **первой главе «Лингвистическая обусловленность организации научного знания в теории аргументации»** прослеживаются пути интеграции научного знания из области лингвистики в

аргументологию. Этот вопрос исследуется с точки зрения того, каким образом наука о языке влияет на научный контекст теории аргументации, что, в конечном счете, допускает возможность научного прогнозирования в этой сфере. В качестве рабочего тезиса принималось следующее утверждение: метаязык лингвистики влияет на метаязык теории аргументации и на научную картину в этой области в целом.

Подтверждение данного тезиса начинается с рассмотрения вопроса о соотношении научной и обыденной (наивной, языковой) картин мира [Апресян, 1995; Алефиренко, 2011; Ртищева, 2012; Whorf, 1966]. Далее делается переход к категории «метаязык» с точки зрения потенциального медиатора для разных научных областей, приводятся мнения, подтверждающие идею о взаимовлиянии метаязыков наук [Бахтин, 1986; Гвишиани, 1990; Верхотурова, 2009a]. Отмечается, что и в лингвистике, и в теории аргументации имеются «тождественные субстанции», для описания которых востребован метаязык лингвистики.

Наиболее очевидными являются два направления влияния метаязыка лингвистики на метаязык теории аргументации. Во-первых, специфическая лингвистическая терминология, специально выбранная из работ нелингвистического цикла, доказывает проникновение лингвистического знания в область аргументативных исследований. Во-вторых, междисциплинарные исследования на стыке лингвистики с другими дисциплинами показывают эвристический потенциал лингвистики в аргументологии. Эти рассуждения конкретизируются на примере лингвистических парадигм и подходов, оказавших влияние на аргументологические исследования: логический анализ языка, антропоцентрическая парадигма, когнитивно-дискурсивная парадигма, лингвистика текста, теория речевых актов и др.

Таким образом, та или иная теория в лингвистике манифестируется в теории аргументации и задает некоторые теоретические и методологические ориентиры в изучении аргументации. Следовательно, зная главный вектор развития науки о языке, можно обозначить и движение от структурной парадигмы к антропоцентрической и затем к социокультурной в той области знания, которая традиционно понимается как исследование аргументативного дискурса с использованием логико-философских параметров. Особенности артикуляции научного знания в синтезе языковедческой науки и аргументологии рассмотрены по уровням научной коммуникации. *Внешненаучная коммуникация* имеет глобальный смысл, так как на этом уровне происходит трансляция и популяризация знаний в гораздо больший контекст общественных практик. Современный уровень *внутридисциплинарной научной коммуникации* указывает на необходимость обсуждения кризиса лингвистической науки, о назревании которого пишут сами лингвисты. Этот кризис выражается в отсутствии единства внутри лингвистики как научной дисциплины и многопарадигмальности [Кошелев, 2015], «стерильности» отдельных научных направлений [Mendivil-Giro, 2018], методологическом консерватизме [Глебкин, 2014], ангажированности отдельных подходов [Шингарева-Славина, 2012], рассогласованности в соотношении общеметодологических парадигмальных подходов и конкретных исследовательских

приемов [Милостивая, 2012], кризисе «репликации научных результатов» [Roberts, 2018].

Причина, по которой ведется речь о кризисе в лингвистике в контексте современной лингвистической аргументологии, состоит в том, что неблагоприятные явления во *внутридисциплинарной научной коммуникации* проецируются и на теоретические построения в теории аргументации, что может привести к нежелательным последствиям. В разделе 1.3. после обсуждения текущего состояния аргументативных исследований с позиций лингвистической теории отмечается, что сформированного лингвистического подхода к аргументации пока нет.

Мониторинг лингвистических подходов является методологическим решением вопроса о снятии информационного барьера между лингвистической теорией и теорией аргументации. Целью такого мониторинга является восполнение методологических лагун, выявление совместимости теорий, своевременное раскрытие эвристического потенциала новых научных подходов.

Следуя идее о том, что некоторые явления языка как системы находятся в отношении оппозиции друг к другу, можно выявить системные оппозиции, которые могут выступать в качестве своеобразного *методологического фильтра* для выбора необходимой методологии исследования. В разделе 1.3.1. представлен такой методологический фильтр на примере коммуникативного моделирования. Первая оппозиция связана с языковыми явлениями типа off-line и on-line, вторая возникает при моделировании когнитивных процессов в аспекте соотношения «когнитивный интернализм – когнитивный экстернализм». Методологический фильтр представляет собой открытый список оппозиций, который далее используется в исследовании.

Явление *междисциплинарности* как модель представления знаний возможно переосмыслить с точки зрения *ризомности*. Речь идет об онтологических тенденциях, которые опираются на идеи нелинейности и сложности. В таком аспекте понятия центра, периферии, структуры и иерархичности утрачивают смысл. Нелинейность, склонность к хаотичным проявлениям хорошо коррелирует с концептом *ризома* (см. рисунок 1) как моделью представления знания.

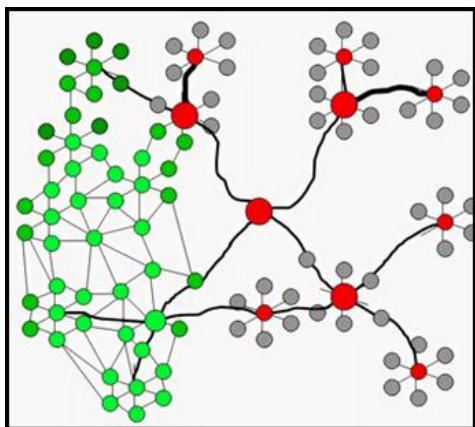

Рис. 1. Зрительный образ ризома

Этот термин, введенный Ж. Делезом и Ф. Гваттари, означает разветвленную корневую систему с множеством «узлов» (термин заимствован из ботаники) [Deleuz, 1976]. Термин «ризома», согласно авторам, больше подходит для описания реальности, нежели понятие структуры, так как отменяет жесткую иерархию отдельных элементов.

Таким образом, в исследовании *междисциплинарность* понимается не как простое наложение дисциплинарных ниш лингвистики, экологии и аргументологии, интеграция знания которых содержит потенциал нового, но как сеть в виде внутрипарадигмальных связей и отношений. Сама сеть, подчиняясь некоторым закономерностям системной методологии, содержит точки полифуркации, которые

предполагают множество методологических альтернатив в процессе исследования объекта.

Во второй главе «Аргументация как сфера для изучения в эколлингвистике» рассматриваются особенности экологизации лингвистики. Для описания этого процесса приведены данные о двух магистральных направлениях экологической парадигмы, которые принято обозначать терминами глубинной, глубокой экологии (суперэкологии) и поверхностной экологии [Naess, 1973; 2005; Devall, Sessions, 1985]. В результате анализа содержания этих терминов предлагается использовать понятия макроуровня для исследования манифестации тенденций глубинной экологии в лингвистике и микроуровня для исследования проявления идей поверхностной экологии в лингвистике. Подчеркивается, что термин «поверхностная экология» не имеет негативной коннотации, а означает другое направление исследований и иной уровень анализа. В главе обосновывается применение термина «эколлингвистика». В ходе анализа определений, относящихся к области эколлингвистики, были установлены сферы, которые можно использовать в качестве категорий для сравнения характеристик глубинной и поверхностной экологии в эколлингвистике.

В главе представлена манифестация базовых идей экологии в современной эколлингвистике по пяти категориям: «ЯЗЫК», «ЧЕЛОВЕК», «СРЕДА», «КОММУНИКАЦИЯ», «СОЗНАНИЕ». В соответствии с этим сделан вывод о месте исследования аргументации критики в эколлингвистическом аспекте в сфере коммуникации.

Ризомная междисциплинарность, о которой заявляется в работе, предполагает би- и полифуркацию основной линии исследования аргументации на несколько направлений. Принцип использования методологического фильтра состоит в том, чтобы обнаружить точки бифуркации там, где имеются методологические установки, находящиеся в отношении оппозиции друг к другу.

Точка бифуркации возникает в оппозиции, где аргументативная коммуникация может быть проанализирована как явление на микро- и макроуровне эколлингвистических исследований. В первом случае рассматривается уровень индивида – носителя языка, во втором случае исследуются глобальные объекты в виде социальных групп, глобальных когнитивных систем. Подходы микроуровня, обладая антропоцентрическим индивидуализмом, включают вопросы валеологии, создание благоприятной информационно-коммуникационной среды, экологичность текстовой коммуникации для человека. Подходы макроуровня, тяготея к системоцентричности, однако, не лишены свойств антропоцентричности. Но антропоцентризм становится телеологичным. Под телеологичным антропоцентризмом в эколлингвистике мы имеем в виду объяснительный принцип, который характеризуется имманентной целесообразностью. В сферу анализа коммуникации на макроуровне, как следует из анализа соответствующих работ эколлингвистов, входят вопросы объема и качества языковой коммуникации, загрязняющей окружающую, в том числе социальную, среду. Однако исследовать эти вопросы с точки зрения общего вклада в глубинную экологию становится возможным именно с позиции телеологичного антропоцентризма, который позволяет говорить о конечных задачах и причинах научного осмысления явления.

В главе представлена синкретическая модель исследования аргументативной коммуникации в эколингвистическом аспекте, которая предполагает разное понимание эколингвистических задач.

Исследование аргументативной коммуникации на микроуровне возможно посредством использования теоретической и методологической базы направления «Эмотивная лингвоэкология». Объектами этого направления являются «языко- / речехохранение и здоровьехохранение с помощью языка» [Шаховский, Солодовникова, 2013, с. 27]. Это предполагает исследование влияния критики на ее адресата с точки зрения деструктивности критики, конфликта, эмоций. Если это рассматривать с позиций двух основных подходов к «лингвоэкологическим штудиям»: изучение языка во взаимодействии с пользователем и изучение языка в его взаимодействии с другими языками [Шаховский, Штеба, 2013, с. 9], то исследование аргументативной коммуникации следует отнести к первому подходу.

Исследование аргументативной коммуникации на макроуровне предполагает, в первую очередь, постановку задач в аспекте глобальной экосистемы, которые далеко не сразу очевидны. Предлагается рассматривать понятие «когнитивная система» как способ исследования коммуникации в глубинной экологии.

Следующая точка бифуркации находится в зоне трактовки аргументативной практики как статичного явления и как динамичного диалогического взаимодействия, где предполагается расхождение линейного и нелинейного понимания коммуникации. В главе проанализированы актуальные тренды в исследовании коммуникации. В целях когнитивного анализа аргументативной коммуникации рассмотрены основные векторы движения научной мысли в трех поколениях когнитивной лингвистики, которые определил А. В. Кравченко [Кравченко, 2008]. Целью этого обзора являлось показать, что методологическая и теоретическая база третьего направления когнитивных исследований дает возможность для обсуждения вопросов эколингвистики на макроуровне. Третье поколение когнитивных исследований представляет собой широкий отклик на идеи синергетики, автопоэза, холизма, интеграционизма и содержит фундаментальную установку о взаимопроникновении познания и среды.

Дальнейшее исследование осуществляется в рамках третьей волны когнитивных исследований, согласно которым познание не зависит полностью от процессов, происходящих в границах тела и мозга. Когниция осуществляется во взаимодействии сознания индивида с миром, к ней применяются такие характеристики, как расширенность, инактивированность, ситуативная и социальная привязанность.

В главе изложены сведения по автопоэзным системам [Матурана, 2001]. Указанная теоретическая база необходима для подтверждения допущения о том, что *социальные системы обладают всеми основными признаками автопоэзной системы*. В этой же главе представлены идеи, которые будут реализованы далее для формулирования и подтверждения гипотезы исследования. Речь идет о тождественности экзистенциальных и познавательных процессов и о том, что живая система представляет собой когнитивную систему, «релевантными для такой системы действиями являются только действия, доступные в ее области

взаимодействий, а само ее функционирование служит поддержанию собственной идентичности и самовоспроизводимости» [Maturana, 1980, с. 9].

В человеческих системах третьего порядка язык представляет собой пространство для общения и разобщения. Система может отграничивать себя от других именно посредством языка. Разного рода сообщения, тексты, устные или письменные, содержат ориентацию на социально значимые императивы, своеобразные внутрисистемные коды, ценные и значимые для той или иной системы. Представлена гипотеза об особенностях аргументативной практики с точки зрения реализации *гомеостатической функции* в системе науки.

Существенным для осмысления экологических отношений оказывается понятие языка как реляционной области, основные обобщения относительно которой можно представить следующим образом:

- языковое поведение живой системы третьего порядка протекает в реляционной области;
- реляционная область возникает в ходе взаимодействий, включающих также языковые взаимодействия;
- реляционная область характеризуется тем, что ее границы намного превосходят границы той ниши, в которой функционирует отдельный индивид;
- существование реляционной области зависит от сохранения непрерывности пространственно-временных связей между элементами системы [Кравченко, 2013а, с. 60–61].

Для обоснования использования понятия «когнитивная система» в ходе исследования аргументативной практики на макроуровне в главе приводится наиболее релевантное определение эколингвистики: «это исследование процессов и действий, посредством которых когнитивные сущности – индивид, группа, популяция – используют окружающую среду, чтобы создать и достроить смыслонасыщенную экологию, которая бы поддерживала их экзистенциальные траектории. Это также исследование организменных, общественных и экосистемных ограничений процессов и действий, т. е. возможность поддерживать разумное и здоровое существование живых и неживых объектов на всех уровнях» [Steffensen, Fill, 2014, p. 21].

Рассматривается специфика аргументативной коммуникации как объекта исследования в сфере эколингвистики: потенциал речевого воздействия, жесткая адресованность, рациональность, целенаправленность, состязательность. Данная специфика показывает актуальность направления «Эмотивная лингвоэкология» для исследования аргументативной коммуникации на микроуровне. Для иллюстрации двух уровней анализа критики в эколингвистическом аспекте в главе предложена синкретическая модель исследования аргументативной коммуникации. Представлена гипотеза об экоцентричности аргументативной практики с точки зрения реализации *гомеостатической функции* в той или иной системе.

Во **второй части**, объединяющей третью и четвертую главы, рассматриваются методологические основания исследования. **Третья глава «Предпосылки исследования аргументации критики»** содержит обоснование применения методологии теории аргументации и, в частности, явления контраргументации к

исследованию критики. Во-первых, теория аргументации содержит необходимые и достаточные методы исследования критики с точки зрения логических основ опровержения и отрицания. Во-вторых, с помощью этой теории имеется возможность исследовать критику в аспекте идеала рациональности.

Глава построена таким образом, чтобы рассмотреть особенности методологически отрицательного подхода к аргументации и показать обоснованность выделения такого подхода. Приводится описание лингвистической аргументологии, рассмотрены современные подходы к аргументации, показана тенденция исследования аргументативной коммуникации. Термин «лингвистическая аргументология» («лингвоаргументология») обозначает дисциплину, исследующую лингвистическую составляющую практики аргументации как объективно существующего феномена с применением теорий и методов лингвистического анализа. В этой связи основные направления лингвоаргументологии представлены следующими подходами: логический анализ, аргументация в языковой системе, дискурсивные исследования, лингвистическая прагматика, когнитивная лингвистика.

Один из разделов работы посвящен роли и месту логического анализа текстов-рассуждений, содержащих критику. Представлены примеры реконструкций умозаключений в аргументах опровержения. Утверждается, что использование средств логики позволяет максимально четко описывать языковой продукт в виде письменного текста и реконструировать элементы рассуждения, выраженные различными средствами языка. Значение такого анализа состоит в возможности получить данные о том, какая информация содержится в аргументах критики, и что из первичного текста попадает в фокус критики.

Со стороны направления «аргументация в языковой системе» к явлениям отрицательного подхода относятся лингвистические маркеры контраргументации, маркеры сложной подчинительной и сочинительной контраргументации; указанный подход исследует статус категории отрицания, вопросы однородности в связи с отношениями противопоставления, синтаксис аргументативного дискурса.

Прагматика, которая представлена в разделе в виде прагма-диалектической теории аргументации, на первый взгляд, содержит установки, отражающие специфику аргументации в отрицательном ключе. Однако отрицательный аспект аргументативной ситуации в этой теории ограничивается определением антагонистической роли оппонента по отношению к некоторой проблеме, тезису, которые последовательно отстаиваются и опровергаются в ситуации аргументации, а контраргументация содержит те же диагностические речевые акты, что и проаргументация.

Для изучения аргументативной коммуникации, как показывает сделанный в главе обзор, наиболее продуктивным оказывается направление когнитивной лингвистики. В этом направлении, в свою очередь, эксплицируются две линии: когнитивно-информационная и социально-интеракционная (в терминах Р. Майерс и Д. Сайболда [Meyers, Seibold, 1986, p. 205]). В работе утверждается, что социально-интеракционная линия когнитивных исследований аргументации выступает в качестве методологических и теоретических предпосылок для исследования

аргументации как языковой деятельности человека в коммуникативном аспекте. Этот подход к аргументации подчеркивает важность социальных факторов в коммуникации, переводя акцент исследования с системы «отправитель – получатель сообщения» к рассмотрению языковой интеракции, которая существует в определенном социальном контексте и им обусловлена.

В главе представлена характеристика текстов, содержащих критическую оценку, с точки зрения функционально-смыслового типа речи. Выявлены различия между отрицательной и обосновывающей аргументацией, которые проявляются на уровне трех категорий: понятия истины, соотношения состоятельности и совещательности, структуры критики/опровержения.

Часть главы посвящена понятиям «аргументация», «критика», «аргументация критики». Метод понятийного моделирования позволяет сделать вывод о фиксируемом в языковой семантике понимании критики как процесса, связанного с отрицательной оценкой и выявлением недостатков. К свойствам критики относятся ретроспективность и наличие процедур опровержения и установления ложности, полемичность, обратная связь. Научная критика обусловлена научно-познавательными мотивами в виде норм и критериев истины. Вопрос о соотношении критики и опровержения состоит в том, что опровержение представляет собой рациональное логическое действие, которое ведет к разрушению доказательства. Критика же состоит из более широкого спектра действий. Поэтому методологическая база исследования опирается на теорию аргументации по двум основаниям.

Уточняется значение выражения «аргументация критики». Мы исходим из того, что любая область социальной жизни в той или иной степени является аргументативной, с этой точки зрения любую сферу можно рассматривать в проекции на область аргументации. При этом сфера науки, в силу академического свойства всего массива коммуникаций, безусловно, представляет собой такую сферу, где аргументация является неотъемлемой частью взаимодействия ученых. Социально-культурная практика научной коммуникации, будучи элементом системы институциональных типов дискурсов, обладает рядом универсальных и специфических признаков. Специфика аргументации критики состоит в требованиях обоснованности, доказательности, логичности, последовательности, непротиворечивости. Эти требования, являясь признаками организации логики аргументативного дискурса, проявляются в научном дискурсе на разных уровнях – от стратегий письма и оформления научных работ до этики ведения научных дискуссий.

В терминах ризомного междисциплинарного дискурса точки полифуркации в исследованиях научной критики можно обнаружить на разных уровнях и по разным направлениям, а сама ризома, ее границы, конфигурация и вид будут определяться тем, в каком сущностном отношении она будет рассматриваться. Область научной критики касается сразу нескольких научных дисциплин: логики, философии, теории аргументации, коммуникативистики, социологии, риторики.

Четвертая глава «Научная сфера как проблемное поле анализа в эколлингвистическом ключе» посвящена исследованию аргументации критики на

макроуровне, который в работе рассматривается как соответствующий концепции глубинной экологии. Обосновывается применение методологического конструкта «социальная система» к анализу научной сферы. Указанная методология позволяет далее задействовать конструкт «экосистема», который перестал быть парадигмальной метафорой в отношении исследования биологических экосистем в природе. Термин «экосистема» стал частью научного дискурса в междисциплинарных исследованиях сложных социально-технических систем. Очевидный посыл таких усилий основан на том, что принципы, оправдавшие себя в природных экосистемах, могут быть применены в исследовании и оптимизации сформированных людьми систем. Значительное место в соответствующих исследованиях занимает поиск аналогий между процессами, происходящими в природе и в других сферах человеческой деятельности. Дж. Бриско исследует цифровую экосистему [Briscoe, 2009], А. Коралло изучает экосистему бизнеса [Corallo, 2007]. В книге Дж. Мура рассматривается идея «экологии конкуренции» в аспекте бизнес-экосистем [Moore, 1996]. В результате такой подход применяется к различным сферам не только в рамках человеческих интеракций, но и во взаимодействиях людей с техническими артефактами и информационными потоками, а в научном обиходе можно встретить выражения «экосистема знаний», «информационная экосистема», «бизнес-экосистема», «социальная экосистема», «производственная экосистема».

Во избежание возможной терминологической путаницы в главе используется таксономия, принципы для разработки которой были заимствованы из работы С. В. Бондаренко [Бондаренко, 2012, с. 583–585]. Итак, с учетом некоторых преобразований, связанных с предметом нашего исследования, такая таксономия может выглядеть следующим образом.

Социальная система и обобщенная экосистема являются родовыми понятиями, в рамках которых можно выделять множество *социальных экосистем* видового уровня, одной из которых является *социальная экосистема науки*. В ее рамках связанные с наукой инфраструктурные платформы позволяют развивать модели их реализации в различных видовых применениях. Так, в силу многослойного состава каждой экосистемы речь можно вести о разноуровневых подсистемах, включающих множество элементов. Примерами таких подсистем являются социотехнические системы, включающие элементы как абстрактных цифровых информационных систем, аппаратную, физическую инфраструктуры, систему регулирующих правовых актов, ресурсную составляющую и др., так и элементы из ряда научных сообществ в виде научных организаций, советов, аттестационных комиссий, научных школ, практики преподавания. Коммуникативная подсистема, обеспечивающая создание, производство и хранение массивов информации, является неотъемлемым элементом экосистемы.

Необходимо отметить, что некоторые элементы подсистем являются относительно функционально независимыми. Иные элементы систем могут образовывать слои, вовлеченные в эволюционные изменения. Например, Т. А. Ямаками прослеживает эволюцию мобильных устройств, используемых внутри цифровой экосистемы [Yamakami, 2010]. Другие элементы подвержены

влиянию факторов окружающей среды. Так, тенденции на публикационном рынке науки ведут к определенным изменениям, например, когда периферийные журналы вынуждены «выживать» и снижают качество печати или повышают стоимость публикаций.

Некоторые подсистемы и их элементы могут представлять собой подлинные «экологические» явления, например, такие экологические характеристики физической инфраструктуры, как системы поддержания оптимальных параметров окружающей среды (параметры шума, освещения, качества воздуха и воды). Другие подсистемы могут быть связаны с экологией опосредованно.

Универсальное для различных наук понятие «гомеостаз» (от греч. *homoios* «тот же самый, похожий» и греч. *stasis* «неподвижность, стояние») трактуется как равновесие, баланс, соответствие. Качественные характеристики критики дают основания сделать предположения о роли критического компонента как системообразующего механизма социальной системы лингвистической науки. Это предположение подтверждается в четвертой главе с помощью понятия внутрисистемного бинарного кода. Понятие принадлежит концепции социального автопоза и используется учеными для описания свойств автопозных систем. Анализ работ [Антоновский, 2001; Луман, 2005; 2016; Симонова, 2010; Матушанская, 2012] позволил выявить такую специфическую черту внутрисистемного кода, как стабилизация, поддержание равновесия в системе. Следовательно, имеются основания рассматривать внутрисистемный код с точки зрения реализации гомеостатической функции в системе науки. Кодирование в системе происходит путем бинарных дизъюнкций, которые различаются позитивной и негативной ценностью, где первая дает сигнал для присоединения принадлежащих системе коммуникаций, а вторая – для отвержения. В сфере науки такой код представляет собой оппозицию «истина – ложь» [Луман, 2016, с. 167].

Императив организованного скептицизма является институциональным основанием для аргументативной проверки научного результата. В четвертой главе представлены данные о формах реализации организованного скептицизма в лингвистической науке. Рассмотрены форматы взаимодействия субъектов науки.

Обращение к универсальным принципам научного этоса, выступающего в виде регулятора для научного сообщества, подтверждает принцип формирования такого кода, или схемы-различения. Императивы научного этоса действуют независимо от вида научного знания и представляют некоторый идеал или норму, позволяющую зафиксировать отклонения от нее в виде девиаций и антинорм. Языковым воплощением интеракций по выявлению и фиксации таких отклонений является критика.

Поскольку научный поиск фундирован многомерным процессом понимания истины, в основу которой может быть положен не один критерий, то потребовалось обратиться к концепциям истины. Во-первых, классическая научная концепция истины предполагает идеал познания объективной реальности (корреспондентская теория истины). Во-вторых, критерий истины требует согласования научного продукта с мнением экспертного сообщества (интерсубъективная теория истины).

В-третьих, в основе прагматического понимания истины лежит идея полезности, эффективности знания (прагматическая теория истины).

Критика в научном контексте обеспечивает ограничение и фальсификацию того знания (мнений идей, взглядов и фактов), которое является препятствием ко всему истинному, полезному и новому. Критика в таком контексте представляет собой: 1) механизм исключения отклонения от истины, 2) механизм обновления знания и механизм экспертизы нового знания. Эти механизмы реализуются в социальной кооперации между членами экспертного сообщества.

Методология лингвоаргументологии необходима для исследования проявлений критики в научном дискурсе. Применение прагма-диалектической модели аргументативной дискуссии, а также учет вида критикуемого текста позволяет представить взаимодействие субъектов науки в виде трех форматов: «эксперт-оппонент → соискатель-пропонент», «эксперт-оппонент → автор-пропонент», «эксперт-оппонент → эксперт-пропонент».

Методологический потенциал био-социо-когнитивного подхода позволяет моделировать процесс согласования полей аргументации в рамках когнитивных ниш субъектов как динамический процесс. Динамические процессы критики происходят в силу различий когнитивных ниш субъектов в рамках консенсуальной области взаимодействия. Дискуссии, возникающие при полном совпадении или полном несовпадении полей аргументации, представляют собой квазидискуссии и ложные интеракции, в которых отсутствует фактическая критика. Частичное совпадение полей аргументации в когнитивных нишах субъектов позволяет производить операции сопоставления, различения, соотнесения когнитивного объекта – текста работы с имеющимися знаниями. Использование модели ситуации наблюдения с точки зрения взаимодействия лингвофилософских категорий «наблюдаемое» и «наблюдатель» позволяет выявить результат такого наблюдения в виде критических реакций в текстах вторичного жанра отзывов, рецензий и статей. Это, в свою очередь, позволяет проследить существующие *экзистенциальные траектории*, или *векторы социальной системы науки*.

Выявление таких траекторий возможно на основании классов сущностей в «наблюдаемом», в отношении которых происходит акт перцепции и оценивания. Входящие в состав полей аргументации компоненты в виде суждений, способов аргументации и фундаментальных принципов являются триггерами эмерджентной когниции и возможными векторами формирования экзистенциальных траекторий (эмерджентная когниция – совместно возникающая когниция). Однако достоверно об этом можно судить на основании анализа эмпирического материала, который представлен в третьей части работы.

В пятой главе третьей части работы «Логико-семантические основы изучения контраргументации» представлены проблемы и принципы описания и анализа контраргументации (далее – КА). Первый раздел посвящен разработке конструкта «контраргументация». Подготовлена схема, где представлены служебные функции последнего и классы явлений для анализа. Так, КА – инструмент описания правил рассуждения – соотносится с аргументацией как дисциплиной, изучающей правила рассуждения. В этом смысле КА, будучи

связанной с логикой, направлена на исследование статичного явления в виде рассуждения, содержащего критику и опровержение, обоснование и доказательство.

КА в составе аргументативной ситуации употребляется в смысле, соотносимом с динамичностью аргументативного взаимодействия, где триггером возражений является несогласие оппонента/рецензента. Это видимая часть интеракции, в которой реализуется аргументативная ситуация. В соответствии с этим различается исследование КА как анализ рассуждения, содержащего критику, на монологическом уровне и исследование КА в тексте публикации, содержащей критику первичного текста на интерактивном уровне.

Один из разделов главы посвящен уточнению исследовательского подхода в части силлогической реконструкции, освещается вопрос «тектонической» и «семантической» валидности аргумента. Смысл представленных здесь примеров реконструкций состоит в том, чтобы проиллюстрировать, какие действия выполняет аналитик во избежание произвольности в трактовке «тектонической валидности» аргументативных комплексов. Описана процедура восстановления силлогизма по среднему термину. При соблюдении правил и постулатов силлогистики и в случае правильного выбора среднего термина обеспечивается получение логичного силлогизма. Имеется специально разработанный алгоритм, который содержит возможность выявления правильных модусов силлогизмов для четырех групп тезисов («Разные Классы»; «Класс – Не-Собственная Характеристика»; «Класс – ПодКласс» «Класс – Характеристика») [Васильев, 2014].

Далее с опорой на тактико-стратегический подход, разработанный Л. Г. Васильевым [Васильев, 1999; 2014; 2017], представлены основные единицы анализа. В соответствии с моделью аргументативных функций минимальным элементом аргументации считается высказывание с определенной аргументной функцией. На *тактическом уровне* единицей анализа является Аргументативный Шаг, базовый состав которого включает три элемента: Тезис, Данные, Основание (в другой терминологии – тезис, доводы, демонстрация). Для материала исследования задействуется понятие Аргументативный Шаг опровержения.

Аргументативный Ход опровержения складывается из совокупности Аргументативных Шагов опровержения. Формальной границей Аргументативного Хода выступает абзац. Аргументативный Макроход представляет собой совокупность Аргументативных Ходов. Формальной границей Макрохода следует считать часть параграфа или весь параграф.

Оппозитивность является системообразующим фактором аргументации как в структурном, так и в коммуникативном плане. Методологически важными оказываются два момента. Во-первых, необходимо рассмотреть качество контрастности в связи с вопросом об отрицании в КА. Во-вторых, следует провести классификацию критических реакций в связи с тем, что отрицание не всегда представляет собой КА как структурно, так и логически. Этим вопросам посвящены разделы главы, где рассматривается внутренняя структура Аргументативного Шага опровержения. Представлены комбинации построения элементов аргументативного комплекса «пропозиции аргумента – связь (демонстрация) – пропозиции тезиса», обратные процессы критики и опровержения (см. рисунок 2).

Рис. 2. Виды критики (по В.И. Кириллову и А.А. Старченко [Кириллов 2008]).

Опровержение представляет собой операцию полного установления ложности некоторой пропозиции и является частным случаем критики, которая, в свою очередь, является вероятностным обоснованием ложности. Если продолжить разворачивать эту оппозицию, необходимо различать критику/опровержение аргументации и критику/опровержение тезиса. Критика и опровержение аргументации предполагают анализ и выявление некорректности последней с использованием логических средств или ранее доказанных утверждений. Представим основные способы критики аргументации.

1. Критика аргументов пропонента направлена на выявление степени их достоверности, истинности, качества, релевантности.

2. Выявление ошибок демонстрации.

3. Выявление ошибок аргументации путем указания на нарушение некоторых норм.

Опровержение тезиса достигается через прямое и косвенное опровержение. Прямое опровержение осуществляется двумя способами:

1) из тезиса и аргументов нужно вывести противоречащие друг другу следствия, что будет свидетельством несовместимости тезиса с аргументами, откуда можно заключить, что тезис ложен;

2) из тезиса или из тезиса с некоторыми аргументами выводят следствия, затем находят новый аргумент, противоречащий одному из следствий, что свидетельствует о ложности данного следствия.

Косвенное опровержение тезиса осуществляется обоснованием истинности высказывания, противоречащего тезису (антитезису) или противоположного ему. Из признания такого суждения истинным следует ложность тезиса.

Способы критики и опровержения аргументативной конструкции представляют собой множество возможных комбинаций.

В главе представлен вывод о том, что контраргументация не только реализует идею противоположности, но и содержит потенциал экстенсивности, распространения.

Раздел 5.5. посвящен параметрам КА, применимым к анализу текстов, содержащих критику. В работе скорректированы основные параметры, выделяемые

Э. Краббе и Й. ван Лааром по отношению к критическим реакциям в аргументативных дискуссиях [Krabbe, Laar, 2011]. Используются также идеи, высказанные М. А. Финокьяро [Finocchiaro, 2005] относительно способов критики в аргументации, и данные из области логики и философии, касающиеся процедур опровержения и фальсификации. В результате условно выделены четыре параметра критики, применимые к исследованию с помощью КА.

По параметру фокуса все критические реакции направлены на один из компонентов аргументативного комплекса «пропозиция аргумента → основание для инференции (демонстрация) → пропозиция тезиса».

Критика первой составляющей связана с опровержением аргументов, что достигается:

- а) путем доказательства ложности аргументов;
- б) установлением того, что аргументы, при помощи которых обосновывается выдвинутый тезис, являются для тезиса недостаточными;
- в) установлением того, что аргументы сами являются недоказанными;
- г) определением того, что источник фактов, при помощи которых обосновывается выдвинутый тезис, является недоброкачественным.

Критика второй составляющей аргументативного комплекса представляет собой опровержение демонстрации и показывает отсутствие логической связи между аргументами и тезисом. Если установлено, что тезис доказан с нарушением таких правил умозаключения, как дедукция, индукция, аналогия, то такое доказательство считается опровергнутым.

Критика третьего компонента аргументативного комплекса является опровержением тезиса и может быть осуществлена:

- а) путем приведения фактов, противоречащих тезису;
- б) путем доказательства истинности нового тезиса, противоречащего опровергаемому;
- в) путем установления ложности (или противоречивости) следствий, вытекающих из тезиса.

В примере (1) представлено прямое опровержение тезиса:

- (1) *К диссертации Н.Н. можно предъявить некоторые замечания, в основном связанные с рассмотрением проблем, связанных с историей лингвистики. На стр. 29 сказано, что фонетика была более всего развита в Индии, но очень развита она была и в арабской традиции. Получается (стр. 94), что в нашей стране до 60-х гг. норме была посвящена лишь одна безусловно важная статья А. А. Пешковского, но были, например, и работы Е. Д. Поливанова. Кстати, по-видимому, именно Е. Д. Поливанов был создателем термина «лингвистическая историология», упомянутого на стр. 23-24 [Алпатов, В. Н. Отзыв, с. 5].*

Эксперт приводит противоречащий тезису автора диссертации факт относительно развития фонетики и нормы, ссылаясь на работы ученых в этой области.

По параметру нормы критические реакции относятся к критике валидности аргументации и критике других норм, в которых происходит взаимодействие.

В первом случае критерий нормы проявляется в КА, которая указывает на некорректную аргументацию. Речь идет об ошибках аргументации. К таковым относится большое число возражений, связанных с нарушением логики. Рассмотрим фрагмент отзыва (пример 2):

(2) *The sources for the data are always made explicit. The analyses are all qualitative in nature. Some of the examples, which serve as the basis for theoretical assumptions, present cases of «cherry-picking» (Johansson Falck 2016: 30) i.e. rather than analysing a fixed set of data exhaustively and systematically, examples that are particularly interesting or that serve to support a certain theory are singled out and there is no indication of whether the example presents a typical case in question or not [Julich, N. Review of book : Studies in Figurative Thought and Language, 2015].*

Рецензент указывает на то, что автор в некоторых случаях предвзято относится к фактам, которые служат базисом для теоретических обобщений всей работы, и не указывает, являются они типичными или нет. Такую ошибку можно трактовать как известную в теории аргументации ошибку **поспешного обобщения**.

Критика в отношении иных норм (институциональных, норм ведения дискуссии или изложения точки зрения) затрагивает фундаментальные исходные позиции субъектов в виде императивов, норм, негласных или подразумеваемых правил.

Приведем пример:

(3) *При высокой оценке результатов диссертационного исследования Е.И., не могу не высказать некоторых замечаний, которые имеют, скорее, характер размышлений и советов, хотя и не без доли критической оценки. 1. Противопоставляя повествовательную литературу драматическому действию, нарратив – разговорности (1.4), автор мог бы, на мой взгляд, в большей мере использовать опыт филологической школы Московского университета, сложившийся на кафедре, где была написана ее работа. Мы имеем в виду соотнесенность первого с письменно-литературной речью, а второго с устной [Аннушкин, В.И. Отзыв, с. 6].*

В данном случае автор отзыва апеллирует к нормам преемственности научного знания, рекомендуя диссертанту задействовать опыт научной школы.

По **параметру «вид действия»** все критические реакции подразделяются на кларифицирующие (запросы, сомнения) и фальсифицирующие. Фальсифицирующая КА формирует сильное опровержение / конструктивную критику (контртезис) и слабое опровержение / деструктивную критику (указание на недостатки проаргументации).

В примере (4) представлен пример кларифицирующей КА:

(4) *Although Wu suggest in chapter 3 that her «deictic force» is related to some cognitive notions, it is however unclear to the readers how exactly this notion is directly related to human cognition. In particular, it is surprising to me that while the notion of «deictic force» is supposed to be related to some tendencies of human cognition (e.g., such as point-of-view, subjectivity, and spatial conception), Wu's study does not discuss relevant experimental works (e.g., see Bryant 1992 for a list of relevant experimental*

studies on spatial representations and subjectivity) [Ring, M. Review of book : *Spatial Demonstratives in English and Chinese*, 2010].

Автор отзыва указывает на неясную связь между человеческим познанием и понятием «дейктическая сила» и отмечает недостатки, связанные с анализом экспериментальных работ в этой области.

Параметр уровня позволяет выявить КА основного уровня, т.е. критику и опровержение существующей аргументации, и КА мета-уровня в виде поддискуссий по иным вопросам взаимодействия, возникающим в ходе анализа работы.

Результаты четвертой главы, полученные с использованием методологии социального автопоза, в целом подтверждаются данными пятой главы, которые основаны на структурно-семантическом анализе и структурных обобщениях понятия КА.

Первая линия, в которой обнаруживаются совпадения, состоит в особенностях обсуждавшегося критерия социальной системы в виде бинарного кода-различения (в разделе, посвященном этосу науки как условию функционирования внутрисистемного кода) То, что «да – нет» интеракции формируют внутрисистемный код, подтверждается свойством КА. Это свойство, как показано при рассмотрении фактора оппозитивности в динамике аргументативной ситуации, является системообразующим фактором аргументации и проявляется последовательно от уровня логических пропозиций до коммуникативной практики аргументирования.

Вторая линия рассуждений, в которой прослеживаются обобщения из разных областей, связана с неоднозначным пониманием истины в науке в связи с различными критериями. Разные критерии, заложенные в основу того или иного понимания истины, формируют разные идеалы, в соответствии с которыми происходит фиксация отклонений в критике. Близкая по смыслу идея наблюдается в кондуктивном способе рассуждений в КА. В практике аргументирования кондуктивные контраргументы представлены не противоположными доводами «против», но множественными доводами «против».

Третья линия связана с подтверждением представленного в четвертой главе предположения о том, что противоречия, обсуждения спорных вопросов следует отнести к особому измерению когнитивной области взаимодействий в контексте системной динамики. Как показывает анализ аргументативных контекстов, критика является фактором развития дискуссии. Качество контрарности также характеризуется экстенсивностью.

Таким образом, те классы сущностей, в отношении которых происходит аргументативная проверка, или верификация, формируют векторы когнитивных траекторий. Такими траекториями консенсуальной области взаимодействий следует считать выявленные параметры нормы, фокуса, вида действия и уровня.

Выявленные параметры можно далее спроецировать на такое свойство системы, как сохранение целостности, и выявить траектории реализации гомеостатической функции системы.

Исследование аргументации критики в рамках подхода эмотивной экологии позволяет рассматривать экологичность оценки для адресата критики. С точки

зрения научной коммуникации оценивание представляет собой фактор для негативного восприятия критики, которое содержит риски неэкологичности для коммуникантов.

Неэкологичная коммуникация связана с деструктивностью общения, включая категории эмоций и вежливости. В эпистемологии теории аргументации эти категории могут быть исследованы с помощью концепции стратегического маневрирования как нарушения норм кооперативного взаимодействия. Маркеры деструктивной критики представляют собой любые отклонения от идеала рациональности, которые являются языковой презентацией нарушения норм кооперативного взаимодействия.

Экологичной критикой является конструктивная критика, в ходе которой достигается консенсус, когда реализована идеальная цель убеждения. С точки зрения научного процесса идеальная цель конструктивной критики состоит в том, чтобы побуждать автора к продолжению научного поиска. Реализации этой цели препятствуют некоторые аргументативные шаги оппонентов, которые представляют собой отклонения от идеала рациональности в дискуссии.

Шестая глава «Контраргументация в научном поиске» посвящена исследованию вербализации критики в жанровых формах письменного научного стиля двух видов:

- текст отзыва или рецензии, являющийся результатом проведенного автором анализа научной работы, представленной для экспертизы;
- текст научной статьи, опубликованной в научном журнале, в которой имеется критика научного результата других авторов.

КА в проанализированных текстах ретроспективна по отношению к проаргументации, содержащейся в текстах диссертационных исследований и текстах статей, монографий, учебных пособий. Важным этапом анализа является выявление маркированности критики в текстах жанровых форм письменного научного стиля. Для этого в главе представлена комплексная методика лингвоаргументологического анализа научного текста. В качестве основных методов анализа текстового корпуса использовался качественный контент-анализ, прагма-диалектический анализ аргументативного дискурса, прагма-семантический анализ языковых единиц, метод реферирования текстового целого. В анализе эмпирического материала эта методика применялась для реконструкции аргументативного дискурса.

Принцип подачи эмпирического материала в шестой главе соответствует выявленным параметрам критических реакций: фокуса, норм, вида действия, уровня.

Весь корпус примеров состоит из значительных по объему текстов, поэтому иллюстративная часть работы содержит лишь фрагменты, которые дают возможность показать значимые для анализа характеристики КА. Для более легкого восприятия хода анализа этих фрагментов, которые, на первый взгляд, представляют собой разнородные языковые факты, считаем необходимым остановиться на процедуре анализа, которая включала следующие шаги.

1. Рассмотрение содержательной и композиционной структуры текста. В каждом тексте выделены особые композиционные сегменты, соответствующие этапам четырехчастной модели критической дискуссии. Данная модель в рамках прагма-диалектического анализа определяет двусторонний процесс аргументации, этапы, которые в нем можно аналитически выделить, а также диагностические типы речевых актов. Так, на этапе конфронтации определяется различие во мнениях. На начальном этапе устанавливаются различного рода обязательства, становящиеся общими отправными точками в дискуссии и служащие кругом референции во время дискуссии. На этапе аргументации происходит обмен аргументами и критическими возражениями. На заключительном этапе определяется исход дискуссии.

2. Возможность аналитического вычленения этапа аргументации в масштабе целого текста позволила далее двигаться в рамках фиксированного фрагмента текста и применять разработанные в пятой главе принципы анализа КА. Речь идет о выявлении структурных характеристик этого явления, когда необходимо было выявить такие логические особенности, как прямое или косвенное опровержение, комбинации критики элементов аргументативного комплекса «пропозиции аргумента – связь (демонстрация) – пропозиции тезиса». Также в целях систематизации материала был проведен анализ примеров по параметрам. То, что все примеры критических реакций удается классифицировать с помощью параметров КА, подтверждает возможность использования понятия когнитивной траектории по отношению к консенсуальной области взаимодействий. Мы считаем возможным использовать понятие когнитивной траектории в связи с тем, что один и тот же фрагмент может соответствовать двум категориям анализа. Например, выявленный контраргумент на логическом уровне всегда соответствует параметру фокуса КА, но также может дать дополнительные данные, будучи помещен в категорию параметра нормы, уровня и вида действия.

3. При выявлении языковых средств, маркирующих КА, мы учитывали данные исследований аргументативности в языке, которые получают систематическое освещение в публикациях по лингвоаргументологии (см., например, [Пучкова, 2006; Ощепкова, 2011]). Рассматривались: а) языковые единицы, представляющие субъективную оценку критикуемого авторского результата, например, учитывались лексические единицы с общей семантикой оценки, модальные средства, задающие различную степень категоричности оценки, эксплицитные средства выражения опровержения и несогласия; б) лексико-грамматические средства гипотетичности; в) языковые единицы, называющие компоненты аргументативного комплекса.

В главе представлена интерпретация результатов по двум направлениям в соответствии с жанровыми формами анализируемых текстов: экспертиза нового научного продукта и верификация существующего научного знания.

Установлено, что базисом для дисциплинарной экспертизы текстов диссертаций и других научных работ служат конкретные критерии, которые содержатся в регламентирующем документе или схеме рецензии. Соответствие авторского результата указанным критериям рассматривается как фактор, влияющий на включение нового результата в научный оборот.

В структурном плане взаимодействие «эксперт-оппонент → соискатель-пропонент» и «эксперт-оппонент → автор-пропонент» подразумевает диалог отсроченного характера между пропонентом (соискателем) и оппонентом (экспертом) в отношении научного результата, аргументируемого пропонентом.

Траектория **фокуса опровержения** представляет собой спектр критических реакций по отношению к аргументам (содержится в 62% отзывов и рецензий от всего количества проанализированных примеров). В примере (5) представлен такой тип критики:

(5) *This well-implemented study provides researchers of Korean honorifics use valuable insights into how advanced KSL speakers use honorifics <...>. The author justified his choice of the «Western» background category for all participants by saying “the results of the project show that the socialization that all of these speakers had undergone in Western society had shaped (or at least had played a major role in shaping) the assumptions they held regarding human interaction” (p. 9). The author also concluded that appropriate honorifics use failure by Japanese ethnicity participants was derived from a «Western» view of honorifics. However, it seems that his argument neglects the influence of social norms or «frames» of the participants’ native language. For example, heritage learners’ perceptions toward politeness might be heavily influenced by Korean culture and language rather than English while they interact with native Koreans. In addition, the Japanese participants might have failed in Korean honorifics usage, not because of a «Western» perception, but rather because of Japanese-specific perceptions toward politeness. Instead of grouping participants as having a «Western» background, a more detailed discussion of the cultural backgrounds affecting the participants’ politeness ideology, and their use of Korean honorifics, would have possibly gained more attention from researchers and instructors with students of non-western backgrounds.*

В данном случае представлена обстоятельная контраргументация по отношению к аргументам, которые автор монографии привлекает для обоснования двух тезисов, связанных с изучением корейского как второго иностранного языка. Один из тезисов процитирован рецензентом: «результаты проекта показывают, что социализация учащихся, которую они прошли в западном обществе, сыграла главную роль в том, как проходила интеракция». Другой тезис представлен в виде вывода о том, что «несоответствующее использование почтительного обращения японскими учащимися было перенято ими из западного взгляда на вежливые почтительные обращения». Рецензент указывает на несостоятельность аргументов (подчеркнуты), которые «пренебрегают влиянием социальных норм родного языка участников проекта». Приводится возражение относительно того, что при изучении корейского языка на восприятие вежливости больше может влиять корейская культура и язык, нежели английская. Далее приводится критика аргумента, что японцы – участники проекта – неправильно понимают вежливость не из-за западного восприятия, а из-за специфики понимания вежливости в японской культуре. В той же рецензии представлена развернутая контраргументация по отношению к авторскому аргументу:

Furthermore, it is difficult to agree with the author's argument on in-class teacher-student interaction without more evidence from interviews. In Chapter 8, Brown presented the analysis of interviews with participants, and concluded that pragmalinguistic skill deficit affects honorifics usage of KSL speakers. He pointed out that one reason for a lack of pragmalinguistic skill is due to in-class teacher-student interaction. Teachers don't provide explicit feedback – or any feedback – for unsuccessful referent honorific use by advanced KSL speakers (p. 224). However, there is no interview data provided to support the connection between the lack of explicit feedback and referent honorific usage. There are other possible factors leading to low pragmalinguistic skill in in-class interactions. The lack of explicit feedback from the teacher can be one factor, as the author suggested. Also, it is possible that KSL learners are not sensitive enough to native Korean speakers' feedback, as the author mentioned later in the same chapter. More likely, it is also possible that multiple factors are interacting together. Finally, one shouldn't neglect that there might be a chance that feedback and pragmalinguistic skill are not related to each other at all. Regarding the above possibilities that can result in different conclusions from the author's argument, Brown's claim on the relationship between the lack of explicit feedback from teaching and students' low pragmalinguistic skills can't be persuasive without more evidence [Ruy, J. Review of book : Korean Honorifics and Politeness in Second Language Learning, 2011].

Рецензент указывает на неубедительность аргументов автора монографии о взаимодействии учителя и ученика в классе, отмечая, что не находит очевидного подтверждения в виде данных из интервью. Детально разбирается обоснование вывода о том, что «дефицит прагмалингвистических навыков влияет на использование категории вежливости при изучении корейского как второго иностранного языка». Так, критикуется довод о связи формирования прагмалингвистических навыков и наличием обратной связи между учителем и учащимися продвинутого уровня. Рецензент отмечает, что эта связь не подтверждена, и, более того, существуют другие факторы, ведущие к низким прагмалингвистическим навыкам, а также отмечается, что существует вероятность того, что обратная связь и прагмалингвистическое мастерство вообще не связаны друг с другом

В эту же группу параметра фокуса опровержения входит критика демонстрирующего рассуждения (18%), критика тезиса (20%). Самым частым поводом для критики является эмпирический материал. Нарекания возникают в связи с количеством, качеством материала, методами его анализа, классификации, непротиворечивости представления данных, предвзятости авторов в трактовке языковых фактов. Сами языковые факты, приводимые оппонентами и рецензентами в целях критики, представляют собой аргументы контртезиса и контраргументы.

Траектория критических реакций по параметру **нормы** возникает при выявлении экспертами логико-категориальных ошибок. Типично выявление предвзятости подтверждения, «поспешное обобщение», «круг в доказательстве».

Рассмотрим фрагмент отзыва (пример 6):

(6) Так, вызывает сомнение п. I положений, выносимых автором на защиту, согласно которому «на процесс и результат специального /.../ перевода, влияют не только лингвистические факторы /.../, но и экстралингвистические факторы, определяемые спецификой коммуникативной ситуации, в которой осуществляется специальный перевод» (стр. 7) и которое резюмируется в заключении в работе следующим образом: «один из выводов работы подтверждает положение коммуникативно-функционального подхода о строгой зависимости стратегии перевода от цели перевода в коммуникативных ситуациях с использованием специального перевода» (стр. 183). Нужно ли доказывать это положение в рамках специальной теории перевода, если в рамках теории общей оно доказано неоднократно, а в функционально-коммуникативном подходе и вовсе имеет статус аксиомы, по сути являясь не выводом, а предпосылкой исследования и даже самого функционально-коммуникативного подхода? [Орел, Е. А. Отзыв, с. 7].

В этом примере эксперт указывает на ошибку «круг в доказательстве», справедливо отмечая, что вывод сам является аксиомой и предпосылкой.

Ошибка «поспешное обобщение» возникает при отождествлении общего с частным и относится, в основном, к ошибкам индуктивного рассуждения. Вот пример указания на такую ошибку (пример 7):

(7) При формулировании положений на защиту автор выделяет в том числе следующее: «Возможность действительного применения на практике той или иной переводческой программы зависит от универсальности, точности и непротиворечивости теоретических предпосылок последней» (стр. 9). Тем не менее представляется, что данное положение наименее разработано по тексту диссертации. Оно заявляется как некая глобальная установка, а общие выводы делаются только в отношении конкретного автора – В. В. Набокова [Яковлева, М. А. Отзыв, с. 4].

Основными разновидностями КА, возникающей при выявлении нарушений институциональных норм, являются замечания по качеству академического письма, используемой терминологии, соблюдению норм цитирования, наличию новизны в работе, соответствию существующим научным взглядам.

Параметр *вида действия* предполагает траекторию критических реакций в виде кларифицирующей КА и фальсифицирующей КА. Первый вид КА представлен замечаниями, просьбами, комментариями, запросами дополнительного объяснения. Вопросительные конструкции представляют собой утверждения, которые обладают разной степенью имплицитности опровержения. Группа КА в виде фальсифицирующих критических реакций в текстах обсуждаемого жанра в основном представлена критикой со слабым типом опровержения. Тексты с сильным опровержением или конструктивная критика с обоснованием контртезиса составляют 10% от проанализированных примеров.

В примере (8) содержится фрагмент слабого опровержения тезиса с указанием на его недоказанность (фрагмент подчеркнут):

(8) Первая статья в этой части написана Г. А. и озаглавлена «Продвигаясь вперед с румынским обратным контролем и подъемом» (*Moving forward with Romanian*

backward control and raising). В этой статье автор пытается доказать, что обязательный контроль (в отличие от необязательного) в румынском языке следует анализировать как передвижение в духе теории Хорнстайна <...> Надо отметить, что, хотя большинство упомянутых аргументов очень интересны и убедительны, недостатком статьи является отсутствие последовательного сравнения конструкций с обязательным контролем и конструкций с необязательным контролем. Многие релевантные данные про конструкции с необязательным контролем в статье отсутствуют. Это означает, что автору не удалось доказать, что допустимость обратного контроля <...> возникает только тогда, когда выполняется ряд других формальных свойств <...> как предсказывается теорией Хорнстайна [Минор, С. А. Рец. на кн.: New horizons in the analysis of control and raising // Вопросы языкознания. 2010. № 3. С. 121].

По результатам анализа примеров по параметру **уровня** КА следует заключить, что критические замечания в текстах жанров рецензий и отзывов представляют собой КА основного уровня, т.е. имеют отношение к существующей в авторском тексте проаргументации. Это объясняется ритуализованностью практики взаимодействия оппонента и пропонента и модерирующей ролью требований издательств или нормативного документа. Дискуссии на мета-уровне могут происходить отсроченно, в ходе публичной защиты диссертации.

Динамический аспект дискуссий дает основания для включения в анализ заключения, формируемого КА оппонента или рецензента по отношению к анализируемому тексту. В этом случае КА оппонента рассматривается как часть поддискуссии по отношению к процедурным компонентам аргументативного взаимодействия для решения вопроса о дальнейшей судьбе работы.

Заключения экспертов носят рекомендательный характер. Поддискуссии по поводу возможности/невозможности присуждения ученой степени или открытого опубликования научного продукта завершается ритуализованным действием согласия.

Далее в главе представлена интерпретация результатов по направлению **верификации существующего научного знания**.

КА в письменно-языковом взаимодействии в формате «эксперт-оппонент → эксперт-пропонент» является видом критики, которая возникает спонтанно в ответ на публикации других авторов, а также ввиду накопившихся разногласий в научном сообществе экспертов. Такая КА инициируется самими авторами критических статей, она не является обусловленной институциональными процедурами экспертизы, поэтому по отношению к такому критическому действию можно ввести термин *спонтанная экспертиза*.

Взаимодействие «эксперт-оппонент → эксперт-пропонент» подразумевает диалог отсроченного характера между субъектами лингвистической науки. При этом критик выступает в качестве оппонента. В таком ракурсе статьи, содержащие критические замечания, представляют КА эксперта по отношению к уже прошедшему экспертизу и опубликованному научному результату. На основании параметров критических реакций, установленных в пятой главе, получены следующие выводы.

КА по параметру **фокуса опровержения** представляет критику аргументов (содержится в 69% отзывов и рецензий от всего количества проанализированных примеров), критику демонстрирующего рассуждения (25%), критику тезиса (78%).

КА по параметру **нормы** представляет собой выявление типичных логико-категориальных ошибок в проаргументации. Выявляются указания на нарушения иных норм, а именно: норм относительно качества академического письма, ясности терминологии, норм цитирования. Эксплицируются специфические для науки идеи устаревшего, неполного, неактуального, ограниченного знания, субъективности и ангажированности. Так, в примере (9) имеются критические замечания, связанные с нарушением институциональных норм, которые не касаются непосредственно аргументативного комплекса. Автор указывает на оценочность и политизированность изложения, что недопустимо в научной практике:

(9) *Риски предметного исследовательского поля. Последнее время наблюдается появление в научных текстах оценочных высказываний политического характера, что явно недопустимо. Наблюдаются подобные казусы и в рецензируемом журнале. Например, описание некоторых черт европейских демократий завершается следующим образом: «Законодательные собрания европейских государств втянуты в мировые геополитические игры, становясь в них еще одной «патефонной иглой», очерчивающей давно изъезженную фонографическую дорожку: «Русские идут!» – во все времена и по каждому поводу» [Алферов, 2016, с. 11]. Не осмеливаясь оценивать научную составляющую данного исследования, отметим недопустимость оценочных высказываний в адрес исследуемого объекта. Взвешенность, нейтральность научного повествования является несомненной доминантой объективного изложения результатов наблюдения. Особо важным это становится в период повышенной конфликтности и тревожности в исследуемой области, коей является область политической коммуникации [Гронская Н. Э. Рец. на журнал : Political science // Политическая наука, 2017. № 2/2. С. 195].*

Параметр **вида действия** в текстах статей, содержащих критику, представляет собой в большинстве случаев сильное опровержение и конструктивную критику. Кларифицирующая КА соответствует слабому опровержению и деструктивной критике и представляет собой дополнение к фальсифицирующим суждениям. Если в текстах рецензий сильное опровержение в виде обоснования альтернативного тезиса является единичным явлением, то отличительной особенностью критики в научных статьях является именно этот вид критического действия, что иллюстрирует пример:

(10) *Подход автора, если я его правильно понимаю, состоит в следующем. Илья Теодорович, очевидно, тяготеет к витгенштейновской идее **понимания** как вписывания текста в более широкий контекст... Я же придерживаюсь других понятий **понимания, значения и смысла** <...>И это именно потому, что язык как тотальность, как совокупность слабо связанных элементов (в отличие от его текстовых выражений) имеет рыхлую, не определенную жестко структуру. Грамматика языка оставляет открытым будущее, не определяет содержание коммуникативных вкладов. Еще раз: язык делает возможным общество и общение не в силу его тотальности и холистической природы, а в силу его*

несвязности и нестрогости. Исходя из этих оснований, я не согласен с И. Т., проводящим различие между лингвистикой дискурса и лингвистикой как таковой. Есть ли смысл вводить специальную дисциплину, т.е. лингвистику дискурса, если данный предмет изучается в рамках теории коммуникации, и в ее специальных областях, имеющих дело с общением в рамках различных дискурсов (разных систем общения)? В противном случае придется признать, что сама структура языка, прежде всего его грамматическая основа, **меняется** вместе с переходом к той или иной речевой практике (дискурсу). Основной мой тезис состоит в том, что язык как таковой – это практически вечный и неизменный медиум общения и в этом статусе недоступен трансформации. Нижеследующие тезисы позволяют уточнить понятие языка в отличие от понятия дискурса (речевой практики) [Антоновский А. Ю. Язык: пространство общения и разобщения // Эпистемология & Философия науки, 2006. Т. 10. № 4. С. 63–64].

Данная статья является ответом на статью другого автора. Критик занимает позицию оппонента по отношению к *эпистемологической проблематизации понятия текста*, о чем сообщается в начале статьи. В данном фрагменте посредством реконструкции можно выявить Макротезис (подчеркнут), который включает в себя Аргументативный Ход опровержения в виде тезиса, последующие Аргументативные Ходы такого же уровня не вошли в этот фрагмент из-за большого объема текста. В примере статьи автор не занимается разбором погрешностей аргументации пропонента, но представляет альтернативный тезис, предлагая читателю самому оценить, какой тезис верен.

По аналогии с интерпретацией данных в предыдущем разделе по **параметру уровня** выявляются критические реакции основного уровня, т.е. относящиеся к аргументативному комплексу, и критические реакции мета-уровня. Поддискуссии, возникающие в ходе *спонтанной экспертизы*, имеют качественно другой характер, чем в предыдущем формате. Они могут вызывать обширные дискуссии на страницах журнала, а заключения, формируемые КА оппонента, эксплицируют выводы: негативные последствия для лингвистической науки, негативные последствия для общества, предостережение, недопустимость публикации подобных критикуемых трудов. Характерен потенциал экстенсивности при формулировании заключений в *спонтанной экспертизе*, актуализируются концепты «корректирование», «дополнение», «другой ракурс рассмотрения объекта», «ограничение», «новые данные».

Основным выводом шестой главы является то, что выявленные параметры контраргументации фокуса, нормы, вида действия и уровня позволили сгруппировать весь контент критики по определенным категориям. Эти категории, будучи использованными в контексте исследования когнитивной области взаимодействий, формируют когнитивные траектории. В нашем исследовании траектории фокуса, нормы, вида действия и уровня отличаются от одноименных параметров тем, что траектории являются более широким понятием. Точки дестинации критики могут быть разными; ими могут быть истина, новизна, польза, соответствие взглядам других. Стремление к этим дестинациям осуществляется, как

показывает анализ эмпирического материала, по некоторым повторяющимся образцам. Параметры фокуса, нормы, вида действия и уровня, примененные ко всем критическим реакциям, связанным с выявлением отклонений в научном результате в проекции на когнитивно-коммуникативное взаимодействие, позволяют конкретизировать эти образцы. Экстраполируя эти выводы на эколоингвистический контекст в системной динамике, можно проследить траектории формирования главных свойств критики в социальной системе – формирования кода-различения и поддержания гомеостатической функции.

В **заключении** представлены основные и промежуточные выводы об аргументации критики в лингвистической науке, полученные в ходе исследования.

В целом, подтверждается **гипотеза** об эколоингвистическом статусе критики, который детерминирован гомеостатической функцией социальной системы. Такая гипотеза возникла как отклик на пока еще слабоструктурированную проблему, связанную с нарушением эталонов критики в науке о языке. Некоторые стороны этой проблемы имеют тенденцию доминировать, а зависимости между ними пока неизвестны. Речь идет о таких проявлениях проблемы, как многопарадигмальность в лингвистике, сложности внутри- и межпарадигмальной научной коммуникации, мотивация научного труда в формировании лингвистического знания, негативные поведенческие практики в сфере публикационного процесса, особенности оценивания научного результата в лингвистике, которые входят в противоречие с постоянным требованием новизны научного результата.

Следуя принятому в данной работе пониманию экологичности, дана характеристика критики как механизма формирования кода-различения социальной системы науки, который выполняет гомеостатическую функцию; это осуществляется посредством ограничения и отклонения того знания (мнений, идей, взглядов и фактов), которое не соответствует норме (является препятствием ко всему новому, полезному и истинному). В эколоингвистическом аспекте критика выступает в роли адаптивного механизма, поддерживающего бытование научного социума в условиях рисков нарушения равновесия в науке и обществе.

Сравнительный анализ двух групп примеров позволил получить результаты, которые показывают ослабление методологического аспекта критики, что представляет собой негативную тенденцию и в системе дисциплинарной экспертизы, и в реализации гомеостатической функции критики в социальной системе науки.

В первой группе примеров при сохранении эталонной модели структурирования текста и выражения контраргументации отмечается ослабление методологического аспекта в изложении критики, что выражается в снижении категоричности критики в отзывах и рецензиях, невыраженности позиции эксперта, преобладании деструктивной, слабой критики, редукции лингвистических конструкций о целесообразности представления труда к открытой печати или о соответствии требованиям, предъявляемым к диссертационным работам по специальности; взаимодействие эксперта с автором завершается ритуализованным действием консенсуса. Это может влиять на формирование и получение достоверного научного знания в системе дисциплинарной экспертизы.

Во второй группе критический анализ по отношению к уже опубликованным работам инициируется самими авторами-оппонентами. Такого рода критика не является обязательным этапом. Научные дискуссии на страницах критических разделов в лингвистических журналах представляют собой нечастое явление, в основном критика наличного знания содержится фрагментарно в разных сегментах научной статьи. Причины невысокой частотности критических статей в качестве дисциплинарной экспертизы связаны с вопросами статусности, необходимой квалификации, межпарадигмальных знаний, научной смелости. Но, в целом, в отсутствие критики, обсуждения, диалога нежелательным следствием может стать уже намечающаяся раздробленность и изолированность лингвистических подходов. В связи с этим сущностная установка научного текста на верификацию существующего знания реализуется не в полном объеме.

В ходе работы получены также следующие промежуточные результаты: 1) установлено влияние метаязыка науки на метаязык научной картины теории аргументации, что дает основания задействовать прогностическую функцию лингвистической науки; 2) на основе повторяющихся тем и образцов в критике выявлены универсальные аргументативные траектории; 3) задействован методологический конструкт «когнитивная траектория», который выведен путем силлогистической и прагма-диалектической реконструкции текстов, содержащих критику, а затем подтвержден в анализе эмпирического материала; 4) представлено лингвистическое исследование контраргументации; 5) дано определение неэкологичности критики с точки зрения эмотивной лингвоэкологии.

В **заключении** намечаются перспективы исследования эколингвистического аспекта критики в науке в связи с экологичностью критериев научной работы, а также практикой институциональной и спонтанной модерации в социальной системе науки.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора.

Статьи в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, определенных перечнем ВАК РФ:

1. Барбина Н. С. Микро- и макроуровень контраргументации (на материале академического и политического дискурса) / Н. С. Барбина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия Филология. – 2011. – № 4 (16). – С. 107–115 (0,7 п.л.).

2. Барбина Н. С. Приемы стратегического маневрирования в медиации) / Н. С. Барбина // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2011. – № 6 (80). – С. 234–238 (0,5 п.л.).

3. Барбина Н. С. Аргументативный диалог в аспекте теории концептуальной интеграции / Н. С. Барбина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 1. – С. 5–12 (0,6 п.л.).

4. Барбина Н. С. Когнитивный аспект контраргументации / Н. С. Барбина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия Филология. – 2012. – № 1 (17). – С. 82–89 (0,6 п.л.).
5. Барбина Н. С. Роль категории «топос» в исследовании аргументативного взаимодействия в социальной системе / Н. С. Барбина // Научное мнение. – 2012. – № 9. – С. 32–36 (0,5 п.л.).
6. Барбина Н. С. Отрицательная оценка в дискурсе опровержения / Н. С. Барбина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3. – С. 70–75 (0,7 п.л.).
7. Барбина Н. С. Методологические ориентиры системного и синергетического подходов в исследовании новых объектов (на примере исследования языковой контраргументации) / Н. С. Барбина, Г. М. Костюшкина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 3 (24). – С. 193–199 (0,9 / 0,45 п.л.).
8. Барбина Н. С. Методы исследования интерпретации в аргументации / Н. С. Барбина // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVI. – С. 328–337 (0,7 п.л.).
9. Барбина Н. С. Элементы метаязыка для исследования коммуникативного процесса в биокогнитивной парадигме / Н. С. Барбина // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVIII. – С. 197–199 (0,5 п.л.).
10. Барбина Н. С. Проблема формирования навыков аргументации в обучении академическому письму / Н. С. Барбина, А. Д. Барбина // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права): электронный научный журнал. – 2015. – Т. 6. – № 1. – С. 30. — URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19980>. (0,7 / 0,35 п.л.).
11. Барбина Н. С. Место лингвистических исследований в контексте теории распределенной когниции в когнитивном анализе языка / Н. С. Барбина // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Вып. XXIII. – С. 73–81 (0,3 п.л.).
12. Барбина Н. С. Школьный учебник как область реализации распределенной когниции / Н. С. Барбина // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Вып. XXII. – С. 171–174 (0,3 п.л.).
13. Барбина Н. С. Особенности становления мотивации учебной деятельности студентов вуза в процессе обучения / Н. С. Барбина, В. Е. Глызина, Н. Е. Горская // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2016. – № 2 (36). – С. 129–133 (0,9 / 0,3 п.л.).
14. Барбина Н. С. Методологический фильтр в практике коммуникативного моделирования / Н. С. Барбина // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXVI. – С. 502–504 (0,2 п.л.).
15. Барбина Н. С. «Человеческий фактор в языке» как научный конструкт в теории аргументации / Н. С. Барбина, В. Е. Глызина, Н. Е. Горская // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXVII. – С. 701–709 (0,6 / 0,2 п.л.).
16. Барбина Н. С. Аргументация как языковая деятельность (биокогнитивный подход) / Н. С. Барбина // Вестник Северо-Восточного

федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2017. – № 1 (57). – С. 78–85 (0,65 п.л.).

17. Баребина Н. С. Лингвоэкологический аспект исследования топонимической лексики Прибайкалья / Н. С. Баребина // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 429–443 (0,8 п.л.).

18. Лингвоаргументативный анализ критики в научной экспертизе (на материале текстов рецензий на лингвистические работы) / Н. С. Баребина, И. Н. Зырянова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 11. – С. 335–342 (0,8 п.л.).

Статьи в изданиях, входящих в международные базы данных:

19. Баребина Н. С. Межличностная аргументация в контексте распределенной когниции (на примере библейских аргументов) / Н. С. Баребина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4 (041). – С. 23–29 (0,7 п.л.).

20. Баребина Н. С. Эвристики биокогнитивного подхода в исследовании аргументативной коммуникации / Н. С. Баребина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 2 (47). – С. 112–122 (0,8 п.л.).

Монографии, разделы в монографиях:

21. Баребина Н. С. Контраргументация в дискурсе медиации / Н. С. Баребина // Концептуальная систематика аргументации: коллективная монография / под ред. Г. М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ООО «Репроцентр 1А», 2013. – С. 124–192 (5,5 п.л.).

22. Баребина Н. С. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности / Н. С. Баребина, Г. М. Костюшкина // Концептуальная систематика аргументации: коллективная монография / под ред. Г. М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ООО «Репроцентр 1А», 2013. – С. 9–54 (4,1 / 2 п.л.).

23. Баребина Н. С. Контраргументация в дискурсе медиации / Н. С. Баребина // Концептуальная систематика аргументации: коллективная монография / под ред. Г. М. Костюшкиной. – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА: Наука, 2015. – С. 170–266. — URL : <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785976519992.html> (5,5 п.л.).

24. Баребина Н. С. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности / Н. С. Баребина, Г. М. Костюшкина // Концептуальная систематика аргументации: коллективная монография / под ред. Г. М. Костюшкиной. – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА: Наука, 2015. – С. 9–70. – URL : <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785976519992.html> (4,1 / 2 п.л.).

25. Баребина Н. С. Контраргументация в дискурсе медиации / Н. С. Баребина // Концептуальная систематика аргументации: коллективная монография / под ред. Г. М. Костюшкиной. – 3-е изд. – Москва : ФЛИНТА: Наука, 2016. – С. 170–266 (5,5 п.л.).

26. Барбина Н. С. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности / Н. С. Барбина, Г. М. Костюшкина // Концептуальная систематика аргументации: коллективная монография / под ред. Г. М. Костюшкиной. – 3-е изд. – Москва : ФЛИНТА: Наука, 2016. – С. 10–70 (4,1 / 2 п.л.).

27. Барбина Н. С. Критика и контраргументация в лингвистической науке (приглашение к размышлению) / Н. С. Барбина / под ред. Г. М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. – 154 с. (9,6 п.л.).

Другие научные публикации:

28. Барбина Н. С. Интегрированный подход к исследованию контраргументации / Н. С. Барбина // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности: материалы 4-й Всероссийской научной конференции / под ред. Г. М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2010. – С. 24–30 (0,4 п.л.).

29. Барбина Н. С. Риторический аспект контраргументации / Н. С. Барбина // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности: материалы 5-й Всероссийской научной конференции / под ред. Г. М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2011. – С. 111–119 (0,5 п.л.).

30. Барбина Н. С. Ориентирующая роль категории «топос» в контраргументации (на материале судебного дискурса) / Н. С. Барбина // Magister Dixit : электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2011. – № 4. – С. 20. – URL: <http://md.islu.ru> (0,5 п.л.).

31. Барбина Н. С. Моделирование контраргументации в аргументативном диалоге (на материале академического и политического дискурса) / Н. С. Барбина // Аспирантские чтения ИГЛУ: сборник научных статей. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2011. – С. 22–36. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) (0,8 п.л.).

32. Барбина Н. С. Роль контраргументации в социальной подсистеме медиации / Н. С. Барбина // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности: материалы 6-й Всероссийской научной конференции / под ред. Г. М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2012. – С. 159–166 (0,7 п.л.).

33. Барбина Н. С. Категория толерантности и цель в аргументативном диалоге / Н. С. Барбина // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности: материалы 7-й Всероссийской научной конференции / под ред. Г. М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2013. – С. 114–120 (0,6 п.л.).

34. Барбина Н. С. Фольклорный жанр сказки как способ формирования этнического кода социальной системы общества / Н. С. Барбина // Материалы VI Международных Лазаревских чтений. – Челябинск, Изд-во Академии культуры и искусств, 2013. – С. 17–21 (0,3 п.л.).

35. Барбина Н. С. Языковая аргументация в развитии технологий обучения / Н. С. Барбина // Вестник Мининского университета. – 2013. – № 4. – С. 9. — URL: <http://vestnik.mininuniver.ru> (0,6 п.л.).

36. Баребина Н. С. Проблема систематизации терминологического аппарата биокогнитивного подхода как сдерживающий фактор становления научной парадигмы / Н. С. Баребина // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности: материалы 8-й Всероссийской научной конференции / под ред. Г. М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2014. – С. 255–261 (0,5 п.л.).
37. Баребина Н. С. Лингвистический фактор академической мобильности в инновационном образовательном контексте / Н. С. Баребина // Инновационные технологии в образовании: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 15 мая 2015 г.). – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 269–270. – URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/8658/discussion_platform (0,4 п.л.).
38. Баребина Н. С. Виды отрицательных умозаключений в аргументативных диалогах / Н. С. Баребина // Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности: материалы 9-й Всероссийской научной конференции / под ред. Г. М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2015. – С. 64–71 (0,5 п.л.).
39. Natalia S. Varebina. Interpersonal Argumentation through the Context of Distributed Cognition (abstracts) / N. S. Varebina // Book of Abstracts of the 8th ISSA Conference. – University of Amsterdam, 2014. – P. 77–78 (0,1 п.л.).
40. Natalia S. Varebina. Interpersonal Argumentation through the Context of Distributed Cognition: the Case of Christian Sermon / N. S. Varebina // Proceedings of the 8th International Conference of the International Society for the Study of Argumentation // B. J. Garssen, D. Godden, G. Mitchell (eds.). – Amsterdam : Sic Sat, 2014. – P. 85–94. 1 электрон. опт. диск. (CD-ROM) (0,8 п.л.).
41. Natalia S. Varebina. Schooltext as a domain of distributed cognition (abstracts) / N. S. Varebina // Book of Abstracts of International Conference on Interactivity, Language and Cognition. – University of Juvaskula, 2014. – P. 15 (0,1 п.л.).
42. Баребина Н. С. Языковая интеракция в аспекте оппозиции «Западная модель аргументации vs восточная модель аргументации» / Н. С. Баребина // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука». – Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. – С. 277–286 (0,8 п.л.).
43. Баребина Н. С. Методологический ресурс общего лингвистического контекста в исследовании языковой интеракции / Н. С. Баребина // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2016. – Т. 2. – № 1 (7). – С. 3–9 (0,7 п.л.).
44. Natalia S. Varebina. Language Innovations of Russian-Ukrainian Conflict in the Context of Ecolinguistics (abstracts) / N. S. Varebina // Symposium Booklet of the First Symposium on Ecolinguistics. – South China Agricultural University, 2016. – P. 29–30 (0,1 п.л.).
45. Баребина Н. С. Рациональность и риторичность предвыборного дискурса (на материале предвыборных дебатов США 2016 года) / Н. С. Баребина, В. А. Косяков // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 1. – С. 28–43 (1/0,5 п.л.).
46. Баребина Н. С. Языковые инновации в медиатекстах описания политической борьбы на Украине / Н. С. Баребина, О. Ф. Семенова // Материалы

международной научно-практической конференции «Евразийское сотрудничество: гуманитарные аспекты». – Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. – С. 196–206 (0,8/0,4 п.л.).

47. Барбина Н. С. Аргументативный потенциал неогенной лексики (на материале текстов СМИ, освещающих российско-украинские отношения) / Н. С. Барбина // Материалы международной научно-практической конференции «Евразийское сотрудничество: гуманитарные аспекты». – Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. – С. 182–195 (0,6 п.л.).

48. Барбина Н. С. Лингвистический дизайн научной картины теории аргументации / Н. С. Барбина // Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности: материалы X Всероссийской научной конференции / под ред. Г. М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. – С. 11–17 (0,5 п.л.).

49. Natalia S. Varebina. Linguistic design of scientific worldview in the theory of argumentation (abstracts) / N. S. Varebina // Book of Abstracts of the 9th ISSA Conference. – University of Amsterdam, 2018. – P. 14. (0,1 п.л.).

50. Барбина Н. С. Практикум по аргументации в академическом письме: учебное пособие / Н. С. Барбина, М. А. Егорова. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. – 58 с. (2,6/1,3 п.л.).

51. Барбина Н. С. Введение в теорию аргументации для специальностей «Лингвистика», «Перевод и переводоведение»: учебное пособие / Н. С. Барбина. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. – 138 с. (7,3 п.л.).

52. Барбина Н. С. Когнитивный антропоцентризм в условиях формирования эпохи антропоцена (на материале терминов биокогнитивного подхода в лингвистике) / Н. С. Барбина // VI Міжнародна конференція «Наука як рушійна антикризова сила». – Киев : Центр наукових публікацій, 2019. – С. 79–93 (0,8 п.л.).

53. Барбина Н. С. Вербализация деонтической модальности в текстах научных рецензий: к постановке новых вопросов в логическом анализе языка / Н. С. Барбина, А. Д. Барбина, А. М. Лемещенко // Global & Regional Research. – 2020. – Т. 2. – № 2. – С. 498–506 (0,7 / 0,2 п.л.).

54. Барбина Н. С. Этико-речевая компетенция в аспекте эколлингвистических исследований медиаречи / Н. С. Барбина, А. Р. Галимова // Global & Regional Research. – 2020. – Т. 2. – № 2. – С. 507–514 (0,7 / 0,35 п.л.).